

ОБЛОЖКА

5P	Фонд
5	Опись
48-1	Дело

Администрация
городского округа - город
Талси Вострашской области

ДЕЛО № _____

Акты
научно-исследовательской экспедиции
института Русской истории
ИИИ о дате основания города
Талси Вострашской области

02 ноября 2006 г.

/ГОД/

ХРАНИТЬ ЛЕТ ^{военное дело}

Фонд	Р-24
Опись	5
Дело	29

кажано: 02.11.2006г.
 окончено: 02.11.2006г.
 на 33 листах

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор

Института российской истории РАН

член-корреспондент РАН

А.Н. САХАРОВ

2 ноября 2006 г.

**АКТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА ГАЛИЧА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

ОБОСНОВАНИЕ

Общие принципы датировки.

По письменным источникам:

При отсутствии прямого указания в письменных источниках года *основания* населенного пункта датой его основания принято считать год наиболее раннего *упоминания* его в летописи или другом письменном источнике.

Впервые в Лаврентьевской и других общерусских летописях город Галич упоминается под 1237 г. в связи с нашествием Батыя на Русь, в которых сообщается, что татаро-монголы «попленили города даже и до Галича Мерьскаго». Поэтому в различных изданиях (Энциклопедические словари Брокгауза и Ефрона, Гранат, три издания «Большой Советской энциклопедии», энциклопедия «Города России» и др.) датой первого летописного упоминания Галича признается 1237 г. (В ряде из указанных изданий фигурирует 1238 г. Однако здесь перед нами явная ошибка. До XIV в. в русских летописях использовался мартовский стиль счисления (новый год начинался с марта) и лишь в конце указанного столетия произошел переход на сентябрьский стиль. Поэтому события февраля 6746 года («от сотворения мира») относятся не 1238 г., а к 1237 г.)

Тем не менее, уже первым исследователям было ясно, что город существовал ранее этой даты, ибо к данному времени был уже одним из заметных пунктов Северо-Восточной Руси, и летописцу не нужно было объяснять своему читателю его местонахождение.

По археологическим находкам:

В случаях, когда город существовал задолго до первого упоминания в летописях или других письменных источниках, применяется метод датировки по археологическим находкам. Однако, он дает приблизительные даты.

Известный археолог А.В. Куза сформулировал принципы археологической датировки следующим образом: «массовый археологический материал, по характерным особенностям которого и датируется большинство поселений, не

укладывается прямо в вековую шкалу... Например, плохо разделяются материалы конца X и начала XI в., последней четверти XI и первой трети XII в., второй половины XII и начала XIII века.... Сейчас древнерусские поселения по времени их возникновения подразделяются на три хронологических периода:

1. X– начало XI в.;
2. XI– первая половина XII в.;
3. середина XII– середина XIII в.

Эта хронологическая шкала вполне удовлетворяет задачам изучения и количественной, и качественной сторон развития поселений. Она хорошо согласуется с общепризнанной периодизацией истории феодальной Руси».

(Куза А.В. *Малые города Древней Руси*. М.: Наука, 1989. С. 44).

Датировка основания Галича по данным археологии

Данные археологии, в частности раскопки 1957, 1995 и 2005 гг., подтверждают существование Галича как города в середине XII в. Так, известный специалист в области оборонного зодчества Древней Руси археолог П.А. Раппопорт, производивший наиболее масштабные раскопки в Галиче в 1957 г., пишет: «Древнейшее из оборонительных сооружений Галича – Нижнее городище... – расположено на склоне и занимает площадку от самого озера до высоты 60 м над его уровнем... С боковых сторон площадка защищена валами... Прорезка вала в нижней части городища, близ озера, показала, что культурный слой с керамикой XII в. заходит под основание вала. Кроме того, в самой насыпи обнаружено несколько фрагментов керамики, относящейся, по видимому, даже не к XII, а к XI в. Очевидно, город был построен... на территории уже существовавшего славянского поселения» (Раппопорт П.А. *Оборонительные сооружения Галича Мерського // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры*. Вып. 77. М. 1959. С. 3 - 5).

Предположение о том, что Галич был построен на славянском поселении XI в., вызывает определенные сомнения. Во-первых, культурный слой XII в. «заходит под основание вала», а фрагменты обнаружены в насыпи, т.е., в самом валу, т.е., либо в слое XII в., либо выше его, и, значит, попали туда либо в XII в., либо позднее. Во-вторых, у самого П.А. Раппопорта нет уверенности в отнесении этих фрагментов к XI в.: он пишет, что они относятся «по видимому» к XI в. Но, как указывал тот же Куза, находки XI в. должны быть отнесены к периоду XI – первой половины XII в. В-третьих, даже будучи керамикой XI в., они вполне могли быть принесены на это место в середине XII в. Поэтому осторожнее будет эти фрагменты не учитывать.

П.А. Раппопорт отметил также, что «плановая структура Нижнего городища чрезвычайно характерна для русских укреплений XII в.», и что поэтому вполне возможно, что среди городов, построенных... в середине XII в., был и Галич (Там же. С. 5. См. также: Раппопорт П.А. *Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X – XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР*. № 105. М.: Л., 1961. С. 17 – 20).

3

Для уточнения точной даты основания Галича как города следует обратиться к письменным источникам.

Анализ дат упоминаний о Галиче в письменных источниках и историографии

В литературе был выдвинут целый ряд возможных дат основания города Галича:

около 960 г. (на основании «жития» Авраамия Ростовского),

1152 г. (на основании летописного свидетельства о широкой градостроительной деятельности Юрия Долгорукого и комментариев к нему В.Н. Татищева),

1167 г. (на основе показаний «Тычинкинского летописца» и других памятников позднего галичского летописания),

1209 г. или 1218 г. (на основании свидетельства В.Н. Татищева о разделах городов между наследниками князя Всеволода Большое Гнездо и его сына Константина Всеволодовича).

Проведенное в ходе данной экспертизы специальное исследование показало, что указанные даты ошибочны (см. приложение).

Наиболее вероятной датой возникновения Галича следует считать 1159 г. Хотя эта дата была впервые выдвинута на основании изучения археологического материала, она подтверждается данными письменных источников.

В ходе экспертизы было установлено, что целый ряд городов Северо-Восточной Руси, основанных в домонгольский период, имеет идентичные названия с городами Южной Руси. В случае с Галичем Костромской области эту связь с Галичем на Украине можно проследить по известиям Ипатьевской и других летописей, связанным с именем князя Ивана Ростиславича Берладника. В частности, на это указывают известия новгородских летописей под 1149 г. о столкновении суздальцев и новгородцев.

Непосредственное же строительство крепости в Галиче, а следовательно, его возникновение как города, следует связать с деятельностью великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского и отнести к 1159 г. – накануне выдвижения последним в 1160 г. требования к новгородцам принимать к себе князей по его указанию. Разумеется, оно могло быть выдвинуто только после серьезного укрепления границ Ростово-Суздальской земли с Новгородом и строительство укреплений в Галиче было связано именно с этим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основываясь на археологических данных и исторических фактах, учитывая,

что археологи датируют постройку города (крепости) Галича Костромского и археологические находки в нем серединой XII в.,

что в середине XII в. в Северо-Восточной Руси происходило широкое строительство городов-крепостей, вызванное установлением твердых границ

4

между отдельными русскими княжествами и землями, при этом ряд из них имел названия, идентичные названиям южнорусских городов, и одним из которых, был, судя по названию, и Галич Костромской области, а по летописным свидетельствам эту связь можно проследить с событиями, связанными с именем князя Ивана Ростиславича Берладника,

что строительство крепости в Галиче было вызвано деятельностью великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского по укреплению границ Ростово-Суздальской земли в начале его княжения в 1158-1160 годах,

что причиной отсутствия даты основания Галича как города в имеющихся летописях могли быть как плохая сохранность дошедшего до нас летописного материала, так и отдаленность местонахождения города, а также отсутствие летописания в Галиче в указанный период,

можно с уверенностью предположить, что Галич как город был основан в период между 1158 (вокняжение в Северо-Восточной Руси Андрея Боголюбского) и 1160 (выдвижение последним требований к новгородцам принимать к себе князей по его указанию) годами. При этом следует также учитывать, что уже сложилась определенная культурная традиция (в связи с празднованием юбилея Галича в 1959 г.), относящая его основание к 1159 г., и что 1159 год не противоречит ни археологическим находкам, ни известным историческим фактам.

Исходя из вышесказанного, Группа исторической географии Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН считает, что **датой основания Галича Костромской области может быть принят 1159 год.**

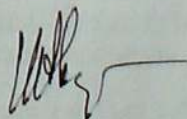
Данный Акт экспертизы обсужден и утвержден на заседании Группы исторической географии 31 октября 2006 г.

Руководитель Группы исторической географии,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН,
почетный член Международной Комиссии по истории городов,
доктор исторических наук

Я.Е.Водарский

Старший научный сотрудник Института российской истории РАН,
член Совета Всероссийского научно и культурно-просветительского
общества «Энциклопедия российских деревень»,
доктор исторических наук

К.А.Аверьянов

31 октября 2006 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

к Акту научно-исследовательской экспертизы Института российской истории РАН о времени основания города Галича Костромской области

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГАЛИЧА

1. Обзор литературы

Вопрос о дате основания города Галича Костромской области до сих пор остается невыясненным. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в наиболее известные энциклопедии и словари. В.Е. Рудаков, автор соответствующей статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, прямо признавался, что «о времени основания Галича, известного под именем Галича Мерянского, ...точных сведений не имеется. Первое известие о Галиче в летописях встречается под 1238 г., когда татары, по взятии г. Владимира, "попленили города даже и до Галича Мерьскаго"»¹. Примерно эта же информация содержится в «Энциклопедическом словаре» Гранат: «Галич впервые упоминается в летописях под названием "Галича Мерьскаго" в числе городов, разоренных Батыем в 1238 г.; самостоятельным уделом Суздальской Руси Галич становится в половине XIII в.»². Авторы первого издания «Большой советской энциклопедии» вопрос о дате основания города обошли стороной, указав, что «Галич известен с 13 в. как самостоятельный удел». При этом они сообщают следующие подробности: «Местом первоначального расположения Галича был один из самых высоких пунктов нагорного берега Галичского озера (местность эта называется "столбищем"). До настоящего времени (т.е. до 1920-х годов. – *Авт.*) видны здесь мощные валы древнейшего Галича, линия которых не только опоясывала город, но и сбегала вниз по отвесному берегу к озеру, что давало возможность галичанам иметь всегда в своем распоряжении безопасное сообщение с водой. После разорения этого нагорного укрепления-города Москвой, галичане, оставив его, в 15 в. построили новый город уже на другом месте – на низком топком берегу озера»³. Второе издание «Большой советской энциклопедии» по сравнению со своими предшественниками высказалось более категорично, указав, что Галич «впервые упоминается в летописи 1238 под именем Галича Мерьского (в отличие от Галича Волынского). В 13 в. был центром Галицкого удельного княжества, первым князем которого был брат Александра Невского – Константин Ярославич»⁴. Практически эта же информация содержится и в третьем издании «Большой советской энциклопедии»⁵.

Авторитет данных изданий привел к тому, что долгое время 1238 г. стал считаться первым по времени летописным упоминанием Галича. Тем не менее, было ясно, что город существовал ранее этой даты, ибо к данному времени был уже одним из заметных пунктов Северо-Восточной Руси, и летописцу не нужно было объяснять своему читателю его местонахождение. Эта точка зрения нашла свое отражение в монографии А.М. Сахарова, констатировавшего, что «история Галича плохо освещается нашими источниками. Впервые город упомянут в летописи под 1237 г. в связи с разорением его татарами, но возник он, конечно, раньше. Галич находился в слабо заселенном районе и был первоначально опорным пунктом славянской колонизации среди неславянских народностей, откуда и название города "Мерьский", т.е. находящийся в земле меря»⁶. Другие исследователи предпочитали обходить этот вопрос стороной. В частности, известная работа академика М.Н. Тихомирова «Древнерусские города» (М., 1956), посвященная городам домонгольской Руси, не говорит о Галиче ни слова.

Ответить на интересующий нас вопрос попытались археологи. В 1957 г. в Галиче под руководством П.А. Раппопорта были проведены археологические раскопки, доказавшие существование здесь поселения в середине XII в. (в основании вала Нижнего городища в Галиче им был обнаружен слой черной земли, насыщенной мусором, щепой, угольками и фрагментами керамики XII в. По его

¹ Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 14. СПб., 1892. С. 923.

² Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11-е стереотипное изд. Т. 12. М., [1938]. Стб. 377.

³ Большая советская энциклопедия. [1-е изд.]. Т. 14. М., 1929. Стб. 382.

⁴ Там же. 2-е изд. Т. 10. М., 1952. С. 137.

⁵ Там же. 3-е изд. Т. 6. М., 1971. С. 66.

⁶ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV – XV веков. М., 1959. С. 73 – 74.

мнению, это был, очевидно, культурный слой поселения, существовавшего здесь до постройки вала)⁷. Это было время княжения в Северо-Восточной Руси великого князя Юрия Владимировича Долгорукого, известного своей широкой градостроительной деятельностью, и в ряде работ он стал считаться (правда под знаком вопроса) основателем Галича.

Так, известный искусствовед А.А. Тиц по этому поводу писал: «Трудно точно ответить, когда возник Галич Мерьский. Первое документальное известие о заволжском городе относится к 1237 году. В этот страшный для Руси год "татарове поплениша Володимерь и пойдоша на великого князя Георгия, окаянии ти кровопииси, и ови идоша к Ростову, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плениша все по Волзе доже и до Галича Мерьского...". Таким образом, в начале XIII века Галич уже был значительным населенным пунктом, хорошо известным летописцу. Его мощные по тому времени земляные укрепления увенчивали гору и в виде огромной подковы спускались к озеру. Время сооружения этих валов относится, по данным П.А. Раппопорта, к середине XII века. Скорее всего, Галич был основан Юрием Долгоруким, тщательно укреплявшим границы Ростово-Суздальской земли. Повторение наименования известного города Галицкой Руси – Галича, видимо, следует связывать со стремлением, с одной стороны, закрепить связи с крупным экономическим и культурным центром XI – XIII веков, а с другой – поднять авторитет нового населенного пункта». В примечании к известию Лаврентьевской летописи 1238 г. о Галиче А.А. Тиц указывал, что «в ряде источников документ датируется 1238 г., без учета того, что в Древней Руси началом года считалось 1 сентября». Однако здесь перед нами явная ошибка. До XIV в. в русских летописях использовался мартовский стиль счисления (новый год начинался с марта) и лишь в конце указанного столетия произошел переход на сентябрьский стиль. Поэтому события февраля 6746 года («от сотворения мира») относятся не 1237 г., а к 1238 г.⁸

Примерно этой же позиции придерживались авторы книги «Галич», вышедшей в 1983 г.: «О времени основания Галича точных данных не сохранилось. Отец русской исторической науки В.Н. Татищев писал, что первые упоминания о Галиче Мерьском он стал встречать с княжения Юрия Долгорукого, то есть с середины XII века. Однако летописи, которыми он пользовался, сгорели во время пожара в его усадьбе. Лишь в наше время археологи прояснили этот вопрос. Летом 1957 года экспедиция под руководством П.А. Раппопорта на Нижнем городище, расположенном на берегу озера и по северо-западному склону Балчуга, нашла остатки славянской керамики XII века, а под основанием крепостных валов этого городища обнаружила обломки керамики XI века. Все это дало возможность П.А. Раппорту сделать вывод, что "очевидно, город Галич был построен в середине XII века на территории существовавшего уже до этого славянского поселения". Так данные советской науки подтвердили правильность показания В.Н. Татищева. Раскопки 1957 года определили и место основания древнего Галича: это – район Нижнего городища, через который проходит улица, и в наше время называемая Городищем. Здесь до сих пор видны остатки земляных валов древней крепости»⁹.

Как бы подводя итоги этого этапа развития отечественной историографии, энциклопедия «Города России», вышедшая в 1994 г., констатировала, что город «впервые упоминается в летописи под 1238 как Галич Мерьский (назван по местоположению на территории, населенной в древности финно-угорским народом меря), но несомненно существовал и раньше. Уже в 12 в. город имел мощные земляные укрепления, остатки которых опоясывают холм у городища Балчуг. В 13 в. Галич – центр Галицкого княжества, первым князем которого был брат Александра Невского Константин Ярославич»¹⁰.

Интерес к данному вопросу вновь проявился в начале XXI в., ибо к нашему времени для всех стало очевидным то, что Галич возник задолго до своего первого летописного упоминания в 1237 г., а существование города уже в XII в. было археологически доказано. В этой ситуации исследователи попытались уточнить время возникновения Галича.

Наиболее осторожные из них предпочитали делать это без указания точных дат. В этой связи в частности, укажем на статью А.Г. Авдеева. Проведенные им в 1995 г. небольшие по размерам раскопки на Верхнем городище Галича показали наличие здесь славянского некрополя, верхнюю дату существования которого, по-видимому, дает найденный в осыпи культурного слоя Верхнего городища фрагмент шиферного пряслица. По аналогии с московскими находками оно может быть датировано,

⁷ Раппопорт П.А. Оборонительные сооружения Галича Мерьского // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 77. М., 1959. С. 3 – 9; *Он же*. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X – XV вв. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961. С. 17 – 20, 90, 104 – 105.

⁸ Тиц А.А. На земле древнего Галича (Галич, Чухлома, Солигалич). М., 1971. С. 9 – 10, 132.

⁹ Белов Л., Зубова В., Касторский В., Соколов Н., Щеголев Н. Галич. Ярославль, 1983. С. 4 – 5.

¹⁰ Города России. Энциклопедия. М., 1994. С. 103.

самое позднее, рубежом XI – XII вв. Все это позволило исследователю достаточно утвердительно говорить о том, что Галич был основан Юрием Долгоруким¹¹. Другие, напротив, указывали точные даты, среди которых назывались «около 960 г.», 1152 г., 1159 г., 1167 г., 1209 г. или 1218 г.

Рассмотрим эти версии.

2. Версия об основании Галича около 960 г.

Эта гипотеза тесно связана с вопросом о времени возникновения известного Валаамского монастыря на Ладожском озере. В XIX в. монахи этой обители, озабочившись выяснением даты основания Валаамского монастыря, обнаружили в своей библиотеке рукопись жития св. Авраамия Ростовского, согласно которой тот родился около 960 г. О происхождении последнего говорилось, что «сей убо блаженный Авраамий чудотворец [был] от предел Галичских, града, нарицаемого Чухлома, богату родителю сын, но неверных; имя ему наречено по-чухломски Иверикю». Далее говорится о том, что с самого рождения он страдал неизлечимой болезнью, не мог ходить и оставался недвижим в течение 18 лет. Приходившие к его отцу купцы из Великого Новгорода, Пскова и «из немец» рассказывали юноше о христианской вере. Тот много размышлял о ней и внезапно, по воле Бога, он нашел в себе силы подняться. Уйдя тайно из родительского дома, он пришел в Новгород, где нашел христиан и стал учиться Закону Божьему. Путешествуя по новгородской Руси, он достиг Валаама, где к этому времени уже существовал монастырь и пожелал остаться в нем. Здесь он был крещен игуменом обители Феогностом и был назван Авраамием. Впоследствии он возвратился в Северо-Восточную Русь и на берегах озера Неро, на котором находится город Ростов Великий, основал Богоявленский монастырь. Позднее, по ходатайству ростовских князей, Авраамий был посвящен в сан архимандрита основанной им обители, и, согласно Валаамской рукописи, скончался «в лето 6518 (от рождества же Христова 1010 года), месяца октовриа в 29 день и погребен на правой стране олтаря. Святыя же мощи его обретенны нетленны во дни великого князя Ярослава Владимировича, брата святых Бориса и Глеба, убиенных от брата его и их, Святополка, в лето от рождества Христова 1054-е, в земли лежали оныя святыя мощи 44 года»¹². На основании жития Авраамия Ростовского в XIX в. стали считать, что Валаамский монастырь существовал уже в X в., т.е. еще до крещения Руси. Исходя же из слов жития, что Авраамий происходил «от предел Галичских, града, нарицаемого Чухлома» возникло предположение, что к этому времени относится и возникновение Галича.

Однако, эта версия не выдерживает серьезной критики. Преподобный Авраамий Ростовский был реальной исторической личностью. Но среди исследователей существуют различные точки зрения по поводу времени его жизни. Митрополит Макарий (Булгаков) определял время подвигов святого первыми десятилетиями существования христианства на Руси, В.О. Ключевский – 1073 – 1077 гг., А.А. Титов – XI – началом XII в.; Е.Е. Голубинский и А.П. Кадлубовский, не считавшие Авраамия основателем Богоявленского монастыря, – XIV в. Эти разногласия порождены многочисленными противоречиями в тексте жития преподобного, общецерковная канонизация которого состоялась лишь в середине XVI в. Древнейшие списки этого памятника восходят к концу XV в., к тому же исследователи предполагают влияние на него жития преподобного Авраамия Галичского, жившего в XIV в. (см. ниже)¹³. Что же касается Валаамского монастыря, точной даты его возникновения мы не знаем, а первые достоверные свидетельства его существования относятся лишь к XIV в., т.е. времени гораздо более позднему.

3. Версия об основании Галича в 1152 г.

Говоря об этой дате как времени основания Галича Юрием Долгоруким, обычно ссылаются на известного историка XVIII в. В.Н. Татищева. В своей «Истории Российской», характеризуя начало деятельности Юрия Долгорукого в Северо-Восточной Руси, В.Н. Татищев говорит: «Великий князь Юрий Володимирович (Долгорукий), пришел в Суздаль и видя лишена себя Руския земли, заложи в отчине своей грады Юриев в Поли, Переяславль у Ключнина (Клешнина) озера, Володимер на Клязьме и другия многия города теми же имяны, иж в Руси суть, хотя тем утолити печаль свою, иже лишился Руския власти. И нача тии города населяти, созывая люд отсюду, дающее ссуду многу. И

¹¹ Авдеев А.Г. «Град Галич первой» (о времени, месте и исторических обстоятельствах основания Галича Мерьского) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 69 – 82.

¹² Валаамский монастырь. СПб., 1864. С. 9 – 13.

¹³ Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 176 – 177.

прихожаху многи от болгар, мордвы и югров, селяхуся по градом его».

Как видим, здесь имя Галича не названо. Откуда же оно взялось? Дело в том, что В.Н. Татищев к этому тексту дал примечание, в котором уточнил: «Города же именами бывших тогда коло Киева в Белой (т.е. в Северо-Восточной. – *Авт.*) Руси находятся: Вышгород, давно запустел, Володимир, Галич, Городец. Добрянск запустел, Дорогобуж, Звенигород, Перемышль, Ростиславль (запустел), Стародуб, ныне волость Стародубская, Углич, Юрьев, Юрьево, Ярославль и пр. Из сих видно многие тогда построены, а иные после стали упоминаться»¹⁴. В результате этого первого упоминания многих из указанных городов, включая и Галич, стал считаться 1152 г.

Разумеется, предположить то, что только в одном этом году Юрий Долгорукий, занятый к тому же напряженной борьбой за киевский престол, основал почти полтора десятка городов, невозможно. Поэтому главной задачей исследователей, не подвергавших сомнению широкую градостроительную деятельность Юрия Долгорукого, стало выяснение вопроса – какие из указанных городов были действительно основаны им.

О церковно-строительной деятельности Юрия Долгорукого летописи сообщают под 1152 г. Этот рассказ полностью сохранился в Типографской летописи XV в., в которой использовано раннее ростовское летописание. «Тогда же Георгий князь в Суздале бе, – читаем мы в конце летописной статьи, наполненной самыми разными событиями, – и отврзл ему Бог разумней очи на церковное здание (строительство. – *Авт.*), и многи церкви поставиша (в другом списке в единственном числе: постави. – *Авт.*) по Суздальской стране, и церковь постави камену на Нерли святых мученик Бориса и Глеба, и Святаго Спаса в Суздале, и Святаго Георгия в Володимери камену же, и Переаславль град перевод от Клещениа (Клещина. – *Авт.*), и зложи велик град, и церковь камену в нем доспе (постави. – *Авт.*) Святаго Спаса, и исполни ю книгами и мощми святых дивно, и Гергев (Юрьев. – *Авт.*) град заложити, и в нем церковь доспе (постави. – *Авт.*) камену святаго мученика Георгия»¹⁵.

В литературе уже неоднократно говорилось о том, что в этой летописной статье оказались объединены разновременные события, относящиеся к разным периодам княжения Юрия Долгорукого. Анализируя всю совокупность летописных и археологических данных, историки попытались определить – какие именно города основал Юрий Долгорукий. По мнению В.А. Кучкина, речь может идти лишь о том, что «в действительности Юрий основал лишь города Кснятин, Юрьев, Дмитров, Москву и перевел на новое место Переяславль-Залесский»¹⁶. А.Ю. Карпов, автор первой полноценной биографии Юрия Долгорукого, указывает, что «основываясь на материалах археологических изысканий, исследователи называют и другие города, предположительно построенные Юрием Долгоруким в Суздальской земле: Звенигород на реке Москве, Перемышль на Моче, Микулин на Шоше, Городец Радилов на Волге. Насколько эти предположения верны, сказать трудно: никакими данными письменных источников о существовании названных городов в годы княжения Юрия мы не располагаем (за исключением, может быть Городца на Волге)»¹⁷.

Список В.Н. Татищева выглядит на этом фоне более внушительно. Однако при внимательном прочтении текста указанного примечания выясняется, что речь в нем идет не о перечне городов, основанных Юрием Долгоруким, а говорится лишь о схожести названий городов Южной и Северо-Восточной Руси. Действительно, Галич Костромской области имеет такое же название, как и более древний Галич Волынский на территории современной Украины.

На основании этого версию об основании Галича Костромской области в 1152 г. следует отбросить. Вряд ли возможно говорить и о том, что город был основан лично Юрием Долгоруким, основываясь лишь на археологически доказанном его существовании в XII в.

4. Версия об основании Галича в 1209 или 1218 гг.

Выше мы говорили о том, что ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что к 1238 г. Галич являлся достаточно заметным городом Северо-Восточной Руси. Отсюда вполне вероятной становится возможность того, что он мог упоминаться в предшествующее время при описании разделов княжеств.

¹⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 44, 241; Т. IV. М.; Л., 1964. С. 242, 442.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. С. 77 (Далее: ПСРЛ). См. также известия в Новгородской Четвертой (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 153), Новгородской Карамзинской (ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. С. 102), Никоновской (ПСРЛ. Т. IX. С. 196 – 197) и других летописях.

¹⁶ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 85.

¹⁷ Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006. С. 263 – 277.

Действительно, под 1209 г. в летописях находим известие о том, что за несколько лет до своей кончины великий князь Всеволод Большое Гнездо (сын Юрия Долгорукого) разделил принадлежавшие ему владения между сыновьями. Старшему сыну Константину он передал Ростов и «инехъ 5 городов да[л] ему к Ростову»¹⁸. Данное сообщение известно и по другим летописям, в которых также говорится о пяти безымянных городах. Исследователями было выдвинуто несколько гипотез по поводу того – какие города получил князь Константин Всеволодович.

Первым попытался сделать это В.Н. Татищев. Рассказывая о предсмертных распоряжениях великого князя Всеволода Большое Гнездо, он сообщает, что «старейшего (сына. – *Авт.*) Константина оставил у себя и дал ему Ростов с пятию другими городами: Белоозеро, Угличе Поле, Ярославль, Кострому, Галич Меряжский»¹⁹. Последующие историки подвергли это сомнению. По мнению А.В. Экземплярского, речь в данном случае должна идти о Кснятине, Угличе, Мологе, Ярославле и Белоозере. Данную точку зрения поддержал А.Е. Пресняков. Однако с этим выводом не согласился В.А. Кучкин. Вслед за В.И. Сергеевичем он полагает, что вместо Кснятина князь Константин Всеволодович получил Великий Устюг²⁰.

Данные выводы исследователей о составе городов, входивших в удел ростовского князя, основаны на анализе последующей их владельческой принадлежности. Что же касается мнения В.Н. Татищева о выделении Константину к его стольному городу Ростову среди указанных городов Галича, в современной историографии сложилось устойчивое мнение, что это не более чем ошибочное предположение историографа XVIII в.

При этом историки исходили из постулата, что в рассматриваемую эпоху территории княжеств могли только делиться между потомками первого владельца и никогда не переходить в собственность других ветвей потомства Рюрика. Между тем, в последнее время выяснилось, что русские князья нередко отдавали принадлежавшие им земли в приданое за своими дочерьми, проводили другие земельные сделки, в результате которых менялась их владельческая принадлежность.

Разумеется, положить конец спорам по этому поводу могло бы обнаружение источника, в котором четко указывались города, полученные князем Константином Всеволодовичем. Определенные указания в этом направлении дает В.Н. Татищев. Под 1218 г. сообщая о том, что великий князь Константин Всеволодович отдал своему сыну Василию «Ростов и Кострому со всею областью Галицкою», В.Н. Татищев дает примечание, в котором уточняет, что «сие выписано точно из летописца Симонова»²¹. Если в результате поисков в архивах и библиотеках удастся найти этот источник или подобные ему, не исключено, что в энциклопедиях и словарях появится новая дата первого летописного упоминания Галича.

Но даже если это и произойдет, вряд ли можно будет говорить об основании Галича в 1209 или 1218 гг. – к этому времени, судя по всему, он уже насчитывал несколько десятилетий своей истории.

5. Версия об основании Галича в 1167 г.

До сих пор мы имели дело с версиями, основанными не столько на источниках, сколько на взглядах и предположениях исследователей, по разному трактовавших исторические памятники. Однако позднее появилась гипотеза, что Галич был основан в 1167 г. В отличие от предыдущих она была основана на источниках, остававшихся малоизвестными большинству исследователей. Поэтому ее рассмотрению мы должны уделить особое внимание.

Изданная в 2001 г. «Славянская энциклопедия» сообщает, что город «впервые упоминался в летописи под 1167 г. Далее о Галиче говорится под 1238 г. как о "Галиче Мерьском", поскольку он был основан на земле финно-угорского племени меря. Летопись отмечает, что после взятия г. Владимира татары "попленили города даже и до Галича Мерьскаго". Сначала Галич представлял небольшую русскую крепостцу в земле язычников. Со времени правления суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого он становится одним из главных мест в лесном Заволжье»²². В изданной в 2004 г. второй части этого труда уточняется, что Галич «впервые упоминается в Московской летописи под 1167»²³.

¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

¹⁹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 181.

²⁰ Обзор историографии по этому поводу см.: Кучкин В.А. Формирование. С. 98 – 100.

²¹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 206, 262.

²² Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. (автор-составитель В.В. Богуславский). Т. I. М., 2001. С. 269.

²³ Славянская энциклопедия. XVII в. (автор-составитель В.В. Богуславский). Т. I. М., 2004. С. 304

10

Что же послужило основой для выдвижения 1167 г., как времени первого летописного известия о существовании Галича? Указанная дата содержится в источнике, впервые введенном в научный оборот еще в середине XIX в. В 1862 г. в «Памятной книжке Костромской губернии» свет увидели любопытные материалы по ранней истории Галича. Опубликовавший их автор писал: «Когда и кем основан Галич не известно. Из отрывка древней галичской рукописи коленного письма, упоминаемой собирателем исторических материалов Тычинкиным, можно извлечь некоторые исторические известия о Галиче в XII столетии». И далее он приводит значительные выписки из этого недошедшего до нас источника, который в литературе позднее получил название «Тычинкинского летописца»: «1167 года беяху живущее в городе Галици три братья князи, князь Семион, да князь Ондрей, да князь Федор, и по смерти своего отца разделшуся има между себя, начаша княжити. Князь Семион прия себе отчину свою в Галиц на староборном, а князь Ондрей укрепился на реке Челсме, и постави крепость на бору у озера, идеже беяше мыс, да ту поча княжити. И бе имеяху между собою брань и распрю велию, и князь Федор, да князь Ондрей ратовати належаху на князя Семиона завидячи ему. И бысть по сих створиша себе по озеру плоты велицы, и хожаху по озеру с ратию, и сразишася под староборным, и князь Семион и люди Семиони метяху нань из крепости камене, и воду горячую ляху, и бысть брань велия от метания пращей, и сеча зла, и поможе Бог князю Семиону прогнати, и бежаху князи Ондрей и Федор едва спасошася.

В лето 1170, князь Ондрей, да князь Федор наяха луговую черемису, и поидоша на князя на Семиона с вящими силами, и устроиша пращи, и вергааху на войско князя Семиона, и по многой брани крепость на посаде добыша, и людей выбиша, и людие утекоша ко крепости двора княжия на столбище, и вскрикнувши вельми, пустиша под ноги има бревна и камене великое, и тако строша и погубиша рать, а князя Ондрея ту задавили, а князь Федор утече на бор в лодях, и князь Семион постави церковь Святого Спаса и жил год.

В лето 1171 князь Федор с бору возвратися с войском на плотях, и с наятою чудью приступиша к берегам озера, воюющее крепость добываху, и князь Семион поча на них с воями своими ляти горячую воду, и самострелы метяху каменем, и князь Федор излезе на берег озера, и поча бити по крепости, и ту бысть сеча лютая, яко и бердышем сокрушатися, и бысть мертвых много зело, яко чрез кучи прелазяху, и одоле князь Семион, и прогна князя Федора, и неизбавися ни один воин.

В лето 1172 преставися князь Федор на бору и повезоша его пограбети у св. Трихины у Галиця»²⁴.

Нельзя сказать, что эти сведения прошли мимо внимания авторов, занимавшихся историей Галича. Дореволюционный галичский краевед С. Сытин в 1905 г. попытался соединить в одно целое все имевшиеся у него сведения по начальной истории Галича. В частности, он писал: «Когда и кем основан Галич – неизвестно. Первые достоверные известия о нем в галичских летописях упоминают о княжении в Галиче трех братьев: Симеона, Андрея и Федора, около 1170 – 72 годов; и со времени нашествия на Россию Батыея, в 1238 году, "когда татары, по взятии Владимира, попленили города даже до Галича Мерьского". По преданию летописцев, Галич построен по образцу Волынского Галича великим князем Юрием Владимировичем Долгоруким, сыном великого князя Владимира Мономаха, утешавшим себя в потере великокняжеского престола устройством городов в Ростовском своем княжении по подобию киевских, т.е. избирая для них по большей части сходные положения мест и давая им названия, одинаковые с последними»²⁵.

Вместе с тем, несмотря на то, что данный источник содержал уникальные сведения о том, что во второй половине XII в. в Галиче княжили самостоятельные князья (а следовательно, он уже в это время являлся городом и центром удела), в целом в историографии по поводу его сложилось крайне скептическое отношение. Причиной стало то, что в других известных нам источниках мы не найдем данных о живших во второй половине XII в. галичских князьях Семене, Андрее и Федоре, упоминаемых «Тычинкинским летописцем».

Родословцы рисуют первые поколения галичских князей следующим образом. У отца Александра Невского – великого князя Ярослава Всеволодовича (умер в 1246 г.) был сын Константин, «дал ему отец Галич». В свою очередь, у Константина (умер в 1255 г.) был сын Давыд (умер в 1280 г.), внук Федор, правнук Иван и праправнук Дмитрий. «И того Дмитрея Галицкого згонил з Галича князь великий Дмитрей Донской». От сыновей правнука Дмитрия – Борнса Васильевича произошли фамилии

²⁴ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским губернским статистическим комитетом. Кострома, 1862. С. 325 – 326.

²⁵ Сытин С. Древний город Галич // Галичский край. Летописи. Воспоминания. Фотодокументы. Мемуары. Хронология событий. Галич литературный. Рассказы. Стихи. Галич, 1995. С. 9.

Березиных, Осининых и Ивиных²⁶. Известные генеалоги XIX в. П.В. Долгоруков и П.Н. Петров не подвергали сомнению показания родословцев и в соответствии с их данными рисовали генеалогическое древо галичских князей²⁷.

Правда позднее выяснилось, что родословие потомков князя Константина Ярославича в действительности было иным, чем показывают родословцы. С.М. Соловьев обратил внимание на то, что летописью князь Давыд Константинович называется князем галичским и дмитровским²⁸. Таким образом оказалось, что в состав Галичского княжения кроме Галича входил и Дмитров. Вслед за тем обнаружилось, что в летописях под 1310 г. имеется известие о рождении у князя Василия Константиновича Галичского сына Федора. Их имена в родословцах отсутствовали. По некотором размышлении историк признал Василия Константиновича братом галичского князя Давыда, скончавшегося в 1280 г., тем более, что ряд летописей прямо называл Василия Константиновича внуком Ярослава Всеволодовича, от которого собственно и произошли все галичские князья²⁹. После смерти Василия Константиновича единое Галичско-Дмитровское княжество разделилось, ибо, как отметил историк, «под 1333 г. говорится о смерти князя Бориса Дмитровского, а под 1334 г. – о смерти Федора Галицкого»³⁰. По мнению С.М. Соловьева, скончавшимся галичским князем мог быть только Федор Васильевич, о рождении которого летопись сообщает под 1310 г., а дмитровский князь Борис – сыном Давыда.

А.В. Экземплярский, пытаясь примирить показания родословцев, свидетельства летописей и наблюдения С.М. Соловьева, механически свел их воедино. В итоге некоторые из галичских князей оказались у него не более чем плодом фантазии. Осознавал это и сам автор схемы. Так, последнего самостоятельного галичского князя Дмитрия все опубликованные к тому времени летописи именуют только по имени, и лишь Никоновская летопись дает его отчество – «Борисович»³¹. И все же, следуя за родословцами, он считал его «Ивановичем». Относительно князя Василия Константиновича в летописях также имелось расхождение – одни признавали его галичским князем, другие считали ростовским. Однако, А.В. Экземплярский, вслед за С.М. Соловьевым, полагал его принадлежащим к галичскому княжескому дому³². Позже судьбы галичских князей уже после утраты ими Галичского княжества проследил С.Б. Веселовский. В частности, он установил, что и здесь в родословцах встречаются неточности. Выяснилось, что у Дмитрия Галичского, которого Дмитрий Донской «согнал» в 1363 г. из Галича был один сын Василий, и четыре внука: Борис, Василий, Иван и Федор, которые служили московским князьям, уже не пользуясь княжеским званием. В свою очередь у Бориса Васильевича были три сына: Дмитрий Береза, Семен Осина и Иван Ива, от которых произошли Березины, Ивины и Осинины, представители которых в XVI в. измельчали и затерялись в основной массе служилых людей³³.

Из наших современников вопросы генеалогии галичских князей подробно разобрал В.А. Кучкин. По его мнению, «галичский» князь Василий Константинович, у которого в 1310 г. родился сын Федор, не имеет отношения к галичскому княжескому дому, а происходит из ростовских князей. Основанием этому послужило то, что данное известие попало в другие летописи из ростовского летопис-

²⁶ Родословная книга князей и дворян (Бархатная книга)... Ч. II. М., 1787. С. 231; Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 166 – 167. Другие родословцы пропускают Федора Давыдовича и считают, что последний самостоятельный князь Дмитрий приходился Константину Галичскому правнуком, а не праправнуком. Но эта версия ошибочна, ибо нарушается родословный счет по поколениям (Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 73 – 74). Этой родословной росписи галичских князей придерживался Н.М. Карамзин (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 300. Прим. 327*).

²⁷ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. IV. СПб., 1857. С. 6; Петров П.Н. История родов русского дворянства. Кн. I. М., 1991. С. 258.

²⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II (Тт. 3–4). М., 1988. С. 192; Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 77. (Далее: ПСРЛ).

²⁹ Соловьев С.М. Ук. соч. Кн. II. С. 219.

³⁰ Там же. Кн. II. С. 227. В действительности Борис дмитровский умер не в 1333 г., а в 1334 г., а Федор Галицкий – соответственно в 1335 г. (См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 47). Ошибка произошла из-за обычной для этого времени ошибки в переводе летописных дат из-за разных стилей календаря. Известный генеалог В.В. Руммель в статье о Галиче, помещенной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, считал, что «Константину наследовал в Галиче его сын Давид, Давиду – его брат Василий, последнему – Федор Давыдович (ум. 1335)» (Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 14. СПб., 1892. С. 923).

³¹ ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 232.

³² Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 207 – 219.

³³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 418 – 421.

ца, в котором указания на то, что речь идет о семье именно галичского князя нет. Что касается последнего самостоятельного галичского князя Дмитрия, вопрос с его отчеством «Борисович» (читавшимся лишь в поздней Никоновской летописи) или «Иванович» (в других) разрешился с публикацией раннего Рогожского летописца, где читается «Борисович»³⁴. Стало очевидным, что Дмитрий, вопреки показаниям позднейших родословцев, был сыном Бориса Дмитровского, а не Ивана Галичского. Эти наблюдения позволили ему уточнить генеалогию галичских князей. Предложенная им схема родословия представляется следующим образом: у князя галичского Константина Ярославича (умер в 1255 г.) был сын Давыд (умер в 1280 г.), владевший кроме Галича и Дмитровом. Между его сыновьями приблизительно на рубеже XIII – XIV вв. был произведен раздел княжества. Борису Давыдовичу (умер в 1334 г.) достался Дмитров, а его брату Федору Давыдовичу (умер в 1335 г.) – Галич. Тем самым род галичских князей разделился на две ветви – назовем их условно «галичской» и «дмитровской». У Федора Давыдовича был сын Иван Федорович, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей Иванович Серпуховской, младший сын Ивана Калиты. У представителя «дмитровской» ветви рода Бориса Давыдовича был сын Дмитрий Борисович, который в начале 60-х годов XIV в. попытался было захватить галичский стол, но был изгнан великим князем Дмитрием Донским³⁵. (См.: таблица 1)

Таблица 1

Родословие галичских князей и их потомков по современной историографии

№ п/п	Имя	№ отца
I колено		
1.	Ярослав Всеволодович, вел. князь (ум. 1246)	
II колено		
2.	Константин Ярославич, князь галичский (ум. 1255)	1
III колено		
3.	Давыд Константинович, князь галичский и дмитровский (ум. 1280)	2
IV колено		
4.	Борис Давыдович, князь дмитровский (ум. 1334)	3
5.	Федор Давыдович, князь галичский (ум. 1335)	3
V колено		
6.	Дмитрий Борисович, князь дмитровский (в начале 1360-х гг. пытался захватить Галич)	4
7.	Иван Федорович, князь галичский	4
VI колено		
8.	Василий Дмитриевич	6
VII колено		
9.	Борис Васильевич	8
10.	Василий Васильевич	8
11.	Иван Васильевич	8
12.	Федор Васильевич	8
VIII колено		
13.	Дмитрий Борисович Береза, родоначальник Березиных	9
14.	Семен Борисович Осина, родоначальник Осининых	9
15.	Иван Борисович Ива, родоначальник Ивиных	9

В целом, подводя итоги изучения генеалогии галичских князей, можно согласиться с предложенной В.А. Кучкиным схемой родословия их первых колен. Вместе с тем, ряд вопросов их генеалогии им выяснен не был. В частности укажем на то, что до нашего времени дошел синодик московского Успенского собора, в котором среди прочих названы: «Василий Галичский», «Феодор и Михаил

³⁴ ПСРЛ, Т. XV. Вып. 1. Стб. 69.

³⁵ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 365 – 384; Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 116, 239 – 256.

Галичские»³⁶. Отождествить этих реально существовавших лиц и связать их с основным древом галичских князей исследователь так и не смог.

Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что данная родословная роспись явно неполна, а упоминаемые «Тычинкинским летописцем» и считавшиеся исследователями мифическими галичские князья Семен, Андрей и Федор могли действительно принадлежать к этому роду.

В этой связи следует задать вопрос – не упоминаются ли данные князья в других источниках? Наше предположение оказывается верным и мы находим указанных лиц в другой из местных галичских летописей – так называемом «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря».

Впервые на него обратил внимание еще Н.М. Карамзин. В одном из примечаний к IV тому «Истории государства Российского» он писал: «У меня есть так называемый *Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли*, в коем находятся следующие обстоятельства...» И далее он передает рассказ о современнике Калиты князе Семене Ивановиче, которому достались в удел Кострома с Галичем, его сыновьях Федоре и Андрее, последний из которых женился на дочери ветлужского князя Никиты Ивановича Байбороды, и внуке Андрее Федоровиче. Деятельности князя Федора Семеновича летописец приписывал основание в 1335 г. Воскресенского монастыря, вокруг которого позднее вырос Солигалич. Оценивая данный источник, Н.М. Карамзин был категоричен: «Это новая сказка. Князьями Галича были, после Константина Ярославича, сын его Давид, внук Иван, правнук Димитрий, изгнанный оттуда Димитрием Донским; ни Семена, ни Феодора, ни Андрея, ни ветлужских, ни хлыновских князей не бывало»³⁷.

О чем же говорится в данном источнике? Кратко охарактеризуем текст его древнейшей части. Под 6840 (1332) г. он сообщает: «Приехали из Орды вси князи рустии, и досталось в удел князю Семену Ивановичу Кострома да Галич, и князь жил год и преставился, и остались два сына, князь Федор и князь Андрей. И князю Федору Семеновичу досталось Галич, а князю Андрею Кострома. И князь Андрей женился у ветлужского ис Хлынова города у князя Никиты Ивановича Байбороды. И меж собою братья враждовали, князь Андрей с Федором, к киевскому и московскому ездили миритися, и помирились со князем Никитою Ивановичем и братом с Андреем, и московский велми жаловал князя Федора Семеновича. И в то время пришел печерской игумен своими ученики, именем Даниил, а был он во Святой Горе и во Еросалиме, и во мнозех святых местех. И князь Федор Семенович ходил к Даниилу игумену, и благословился у него, и просил у него ученик в свою отчину, старца на игуменство. Игумен Даниил, видев веру и желание его, и благословил его, и дал ему ученика своего, именем Афанасия, постриженника Печерского монастыря, а с ним два старца, именем Романа да Тихона. И князь Федор Семенович к митрополиту ходил, Афанасия на игуменство прошал. И митрополит благословил...» Далее сообщается, что князь Федор Семенович устроил в Галиче монастырь св. Спаса, где Афанасий игуменствовал три года.

Под 6843 (1335) г. рассказывается о знамени князю Федору Семеновичу. После окончания пасхальной службы князь пошел в свои палаты и уже было расстался с игуменом, как вдруг «внезапу свет явился велик, сияющъ на западной стране, аки заря, и прислоняшеся от небеси к земле». Князь удивился и спросил игумена, что сие означает. «И бысть ему глас с небеси: “О княже, дерзай, – Бог ведый желание твое”». В четверг на все той же пасхальной неделе, «в пяты час дни», когда князь шел к храму, знамение снова повторилось: «и гром бысть велми страшен, и огнен столб от небеси на той же стране». После совета с игуменом и приближенными князь Федор решил отправиться в ту сторону, где был виден таинственный свет. Край тот представлял собой «великий лес», жияля практически не встречалось, кроме редких поселений чуди. Лишь за Чудским (Чухломским) озером князю удалось встретить выходца из Твери Гавриила «Давыдова сына», который бежал сюда, в эту глушь, 17 лет назад, спасаясь от притеснений тверского князя. На вопрос Федора Семеновича – видел ли он таинственный свет, Гавриил ответил, что живет от того места за четыре «поприща». В итоге путники добрались до незнакомой реки, которая, как выяснилось позже, оказалась притоком Волги – рекой Костромой. Здесь князь решил построить монастырь. Закладка обители произошла в праздник Вознесения, который пришелся на день св. Иова (6 мая). Возведение самого храма завершилось уже к Ильину дню (20 июля). Так возник Воскресенский монастырь, первым игуменом которого стал все тот же Афанасий. «И окрест монастыря того давал князь села своя любимая и волости, и в ыных вотчинах, и удел покупал. Дал князь Федор Семенович Чюдскова озера две трети, да Галицкаго озера четверть, и во всех реках рыбная ловля, и грамоты подавал тарханные. И братии множество всем изобилствова».

³⁶ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся. 2-е изд. М., 1788. С. 449.

³⁷ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. IV. С. 300 – 301. Прим. 327.

14

Затем под 6849 (1341) г. в «Летописце» идет рассказ о болезни и смерти князя Федора Семеновича, его захоронении во Владимире «во храме у Пресвятыя Богородицы», о том, что именно было завещано им монастырю, и как его сын князь Андрей Федорович, оставшийся после отца в 12-летнем возрасте, выполнил волю родителя. Далее под 6858 (1350) г. говорится о рождении у князя Андрея Федоровича сына Ивана Андреевича. Затем рассказывается об истории вражды князя Андрея Федоровича с его дядей Андреем Семеновичем костромским и Никитой Ивановичем Байбородой, которая привела к тому, что в 6880 (1372) г. князь Никита Иванович «с ногайскими людьми и воеводами и с луговою черемисою» напали на обитель, убили иноков, до конца защищавших монастырь. «И от того времени запусте монастырь Воскресенской. И не попусти Бог князю Никите, прииде на его землю болезнь коркотная и изомроша вси, и погибе град Хлынов, и после того времени много кровопролития было»³⁸. Таково основное содержание интересующей нас части памятника, рассказывающей о событиях XIV в.

Сравнивая между собой «Летописец Воскресенского Солигаличского монастыря» с «Тычинкинским летописцем», видим, что в обоих памятниках упоминаются одни и те же лица: галичские князья Семен, Федор и Андрей. Правда, имеются и различия: если «Тычинкинский летописец» называет их братьями, то «Летописец Воскресенского Солигаличского монастыря» уточняет, что Семен являлся отцом Федора и Андрея. Обращает на себя внимание и то, что в последнем источнике интересующие нас галичские князья действуют в совершенно иное время, нежели в «Тычинкинском летописце» — не в XII в., а в промежуток с 1332 по 1374 г. Это заставляет предположить, что в каком-то из этих двух источников хронология неверна. Требуется точно определить — когда же жили данные галичские князья? Но для этого необходимо охарактеризовать данные источники.

Решительно отвергнутый Н.М. Карамзиным «Летописец Воскресенского Солигаличского монастыря», тем не менее, время от времени вновь всплывал в поле зрения историков, в первую очередь писавших об истории Солигалича. В ряде изданий XIX в. приводился пересказ содержавшихся в нем известий, начиная с легендарных событий XIV в. вплоть до XVII в.³⁹ Во всех этих работах применительно к вопросу о достоверности «Летописца...» прослеживаются две основные тенденции — от полного доверия к изложенным в нем фактам, без всякой их критической проверки, до признания этого источника «позднейшей подделкой под летописные сказания», содержащего исключительно баснословные сказания.

Первые публикации самого источника увидели свет лишь в начале XX в.⁴⁰ Но поскольку в них не было дано критической оценки содержания памятника вся последующая историография развивалась по прежнему пути: в одних работах просто фиксировалось существование этого источника, в других

³⁸ Изложено по: Дунаев Б.И. Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф.И. Нашокиным, М., 1914 (Отд. отт.) С. 10 — 13; с привлечением более ранних списков «Летописца»: Семячко С.А. Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря» (к характеристике вымышленной летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 287; Она же. К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев («Повесть о Тверском Отроче монастыре»), «Летописец Воскресенского Солигаличского монастыря» // Книжные центры древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 254 — 255.

³⁹ Некоторые сведения, относящиеся к истории города Солигалича, собранные из сохраняющихся в Солигаличе записок, преданий и других источников // Москвитянин. 1842. № 3. С. 259 — 263; Исторические сведения о некоторых городах Костромской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 22. С. 7 — 13; Диев М. Солигалич // Костромские губернские ведомости. 1859. № 10. Часть неофициальная. С. 97 — 98; Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. Кострома, 1862. С. 334 — 341; Беляев И. Статистическое описание Солигалича и церковью Костромской епархии. СПб., 1863. С. 270; Миловидов Н. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886. С. 151 — 157; Сырцов И.Я. Древние памятники самозащиты и благочестия граждан г. Солигалича // Костромские епархиальные ведомости. 1899. № 14. Часть неофициальная. С. 408 — 409 (есть отд. отт.: Кострома, 1899); Экземплярский А.В. Великие и удельные князья. Т. II. С. 269. Прим. 725; Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. С. 215 — 216; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. СПб., 1897. С. 48.

⁴⁰ Апушкин В. Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф.И. Нашокина // Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1901. С. 488 — 497; Дунаев Б.И. Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф.И. Нашокиным // Древности. Труды Археологической комиссии имп. Московского археологического общества. Т. III. М., 1913. С. 295 — 306 (есть отд. отт.: М., 1914); Тумов А.А. Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 39 — 48.

(преимущественно краеведческого плана) показания «Летописца Воскресенского монастыря» признавались абсолютно достоверными⁴¹.

Более серьезно проблему достоверности «Летописца» попытался решить А.А. Преображенский⁴². На основании трех списков памятника он выяснил, что его повествование за XIV – XVII вв. состоит из трех хронологических пластов, между которыми существуют четкие границы. Первый из них охватывает 1332 – 1375 гг. (создание монастыря), второй рассказывает о событиях 1429 – 1461 гг. и прежде всего о феодальной войне второй четверти XV в., третий повествует об обретении «нетленных мощей» иноков во время земляных работ на территории Воскресенского монастыря в 1663 г. Какова степень достоверности каждого из этих хронологических пластов? Применительно к событиям XVII в. А.А. Преображенский признает их достоверность, относительно второго раздела памятника историк считал, что его факты «в достаточной мере достоверны» – ряд известий о событиях XV в. находит свое подтверждение в других летописях⁴³.

Что же касается наиболее интересного для нас рассказа о событиях XIV в., то, по мнению А.А. Преображенского, «наряду с явно сказочными рассуждениями насчет “явления князю Федору Семеновичу” огненного столба с громом и взывающего с небес голоса, что якобы возвещало о божественном указании князю учредить монастырь, эта часть текста содержит и другие данные. Они таковы, что позволяют предполагать стоящие за ними исторические реалии. К такого рода сведениям можно отнести рассказ о постепенном заселении края, где на “великом лесе” жила чужь. Столь же вероятно повествование о приходе в те пустынные края людей, скрывавшихся от княжеских междоусобиц. Однако, бесспорно, что главные герои летописи галичские князья Федор Семенович и Андрей Федорович – лица вымышленные.» При этом историк обратил внимание на то, что «во времена, описываемые летописью, в соседнем Ростовском княжестве правил князь Андрей Федорович (1331–1409). Деятельность этого князя чем-то напоминает поведение его мифического тезки – галичского князя Андрея Федоровича в изображении монастырского летописца. Не произошло ли здесь своеобразной “пересадки” истории ростовских князей на галичскую почву?»⁴⁴.

Выясняя время возникновения Воскресенского монастыря, историк усомнился в дате его основания (1335 г.), поскольку она встречается лишь в самом «Летописце» и не подкреплена другими источниками, но, вместе с тем, должен был признать существование обители уже в XIV в., по крайней мере, начиная с эпохи Дмитрия Донского. На это указывают материалы расспроса, проведенного в 1580-х годах на посаде Солигалича и по окрестным селениям. Опрошенные тогда люди подтвердили, что «слухъ у нихъ и ведомо есть, что государь князь Дмитрей Ивановичъ Донской то селцо Балыново и починокъ Бракотинь къ тому монастырю въ вотчину даль, и грамота у нихъ жалованная на ту ихъ вотчину была»⁴⁵. Вместе с тем, по мнению историка, окончательно решить вопрос о достоверности этого памятника могла бы находка новых списков «Летописи Воскресенского Солигаличского монастыря»⁴⁶.

Эту задачу выполнила С.А. Семячко, сумевшая обнаружить 15 списков памятника, самые ранние из которых относятся ко второй четверти – середине XVII в.⁴⁷ Она установила, что древнейшая часть «Летописца...» создавалась единовременно, много позже описываемых в ней событий. Время возникновения памятника она относала предположительно к первой половине XVII в., возможно даже

⁴¹ Черетин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 333. Прим. 9; Сахаров А.М. Указ. соч. С. 61. Прим. 46; Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 119; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI вв. (по «житиям святых»). М., 1966. С. 67; Ардентов И.Н., Белоруссов Л.М., Иванова В.Н., Чистяков В.А. Солигалич. Кострома, 1960. С. 17 – 19; Тиц А.А. Указ. соч. С. 11, 52, 84 – 86; Белоруссов Л.М. Из истории солеварения в Солигаличе // Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки. Вып. 1. Ярославль, 1973. С. 27; Пржевальковский А.Г. Солигалич. Ярославль, 1986. С. 3 – 4; Кудряшов Е.В. Солигалич. Л., 1987. С. 3; Фигуровский Н.А. Откуда пошла Соль Галичская // Губернский дом. Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал (Кострома). 1995. № 4. С. 23 – 28.

⁴² Преображенский А.А. Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской (историографические и источниковедческие заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 232 – 243. Здесь же дан подробный обзор предшествующей историографии и публикаций памятника.

⁴³ Там же. С. 236 – 237.

⁴⁴ Там же. С. 236.

⁴⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1836. № 85. С. 178; Преображенский А.А. Ук. соч. С. 238.

⁴⁶ Преображенский А.А. Ук. соч. С. 243.

⁴⁷ Семячко С.А. Из комментария. С. 284 – 285; Она же. К вопросу... С. 254 – 257.

Федор Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Андреевич⁵³. Сопоставим оба источника.

Состав бояр Дмитрия Донского по «списку Дубровского» и духовной грамоте 1389 г. Таблица 2

Список Дубровского		Духовная грамота 1389 г.	
1	Дмитрий Михайлович	10	Дмитрий Михайлович
2	Тимофей Васильевич	11	Тимофей Васильевич
3	Иван Родионович	12	Иван Родионович
4	Дмитрий Константинович		-
5	Семен Иванович		-
	-	13	Семен Васильевич
6	Иван Федорович	14	Иван Федорович
7	Никита Федорович		-
	-	15	Александр Андреевич
8	Федор Андреевич	16	Федор Андреевич
	-	17	Федор Андреевич
9	Иван Федорович	18	Иван Федорович
	-	19	Иван Андреевич

Как видим, хотя перечни бояр и совпадают, но лишь частично. Это вполне объяснимо и никакого противоречия здесь нет, поскольку летопись здесь не говорит о свидетельствовании боярами духовной грамоты своего князя.

С.Б. Веселовский, используя различные частные разряды и местнические записи, попытался определить – лица из каких родов упоминаются в этих двух источниках. Последуем за ним.

1-й и 10-й – несомненно, Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, знаменитый воевода засадного полка во время Куликовской битвы. Летописью он упоминается также как воевода в походе против Олега Рязанского в 1371 г., на волжских болгар в 1376 г., на Литву в 1379 г.⁵⁴

2-й и 11-й – Тимофей Васильевич Вельяминов. В 1378 г. он был воеводой в сражении на реке Воже. В 1380 г. стоял на Лопасне для охраны тыла армии, вышедшей против татар.⁵⁵

3-й и 12-й – Иван Родионович Квашня, родоначальник Квашниных, умерший в 1390 г. «Сказанием о Мамаевом побоище» он назван среди воевод на Куликовом поле⁵⁶.

6-й и 14-й – Иван Федорович Воронцов, племянник Тимофея Васильевича Вельяминова.

8-й и 16-й – Федор Андреевич Свибло. Летописью он упоминается в качестве воеводы в походе на Мордовскую землю в 1377 г. В 1380 г. был оставлен в Москве для охраны столицы, а в 1384 г. ездил в Новгород за «черным бором» – данью Орде⁵⁷.

9-й и 18-й – Иван Федорович Собака, сын Федора Константиновича Фоминского.

Ряд лиц упоминается только в духовной грамоте 1389 г.:

13-й – Семен Васильевич, брат Тимофея Волюя Окатьевича, убитого на Куликовом поле.

15-й – Александр Андреевич Остей, брат Федора Андреевича Свибло. В 1385 г. он был наместником в Коломне, где был захвачен в плен князем Олегом рязанским⁵⁸.

17-й – Федор Андреевич Кошка, сын Андрея Кобылы.

19-й – Иван Андреевич Хромой, брат Федора Свибло и Александра Остея.

В летописном «списке вернейших бояр» мы видим новые лица: Дмитрия Константиновича (4-й), Семена Ивановича (5-й) и Никиту Федоровича (7-й). С.Б. Веселовский затруднялся с отождествлением этих лиц: «Дмитрий Константинович среди боярских родов был один: это – Д.К. Заяц Добрынский, младшие братья которого при великом князе Василии Дмитриевиче и великом князе Василии Васильевиче были боярами. Но это сомнительно, как потому, что на боярство Д. Зайца пока не найдено нигде указаний, так и потому, что для его боярства, если оно было, это как будто рано. Если вы-

⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 36 – 37.

(Далее: ДДГ).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 61; Т. XXV. С. 187, 192, 200.

⁵⁵ Там же. Т. VIII. С. 36; Т. XVI. С. 106.

⁵⁶ Там же. Т. XI. С. 54, 122; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 34, 58.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 29, 54, 85.

⁵⁸ Там же. Т. XVIII. С. 135.

сказывать предположения, то вероятнее, что в данном случае произошла ошибочная перестановка имени и отчества, и, очевидно, можно видеть в этом боярине Константина Дмитриевича Шею Зер-
– К.А.), т.к. Семена Ивановича за это время нет ни в одном роде... Никита Федорович. С таким име-
Темном), и на боярство его тоже нет указаний в источниках»⁵⁹.

Но согласиться с тем, что в летописном списке могла произойти или перестановка имени и отче-
ства, или описка сразу в двух случаях подряд, вряд ли возможно. Поэтому необходим комплексный
анализ известий об этих лицах.

Первым в числе лиц, присутствовавших при смерти Дмитрия Донского, но не свидетельствовав-
ших его завещания, значится Дмитрий Константинович. Единственной возможной фигурой с этим
именем и отчеством оказывается князь Дмитрий Константинович Ноготь Суздальский, младший дядя
жены Дмитрия Донского, родоначальник князей Ногтевых. Летописью он упоминается лишь дважды
– как участник похода суздальских князей в 1367 г. против ордынского князя Булат-Темира и похода
Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г.⁶⁰ Поскольку сын Дмитрия Ногтя Юрий уже не имел удела,⁶¹
можно предположить, что к 1389 г. Дмитрий уже перешел на московскую службу и находился в по-
луассальном состоянии от великого князя. Летопись не упоминает о его смерти, но так как Дмит-
рий Ноготь был младшим из сыновей суздальского князя Константина, В.А. Кучкин полагает, что он
вполне мог дожить до конца XIV – начала XV в. Его старший брат, также Дмитрий Константинович
(тесть Дмитрия Донского) умер в 1383 г., другой брат Борис скончался в 1394 г.⁶²

То, что Дмитрий Константинович упоминается «списком» без княжеского титула не должно сму-
щать нас. В XIV в. князья, переходя на службу в Москву, зачастую именовались без своего титула. И
только с начала XV в. потомки Рюрика и Гедимины сохраняют свой титул. Яркий пример этому –
знаменитый воевода Дмитрий Михайлович Боброк Волынский. Московским летописным сводом
конца XV в. под 1371, 1376 и 1379 гг. он упоминается с княжеским титулом,⁶³ хотя в то же время в
перемирной грамоте с Ольгердом 1371 г. и завещании Дмитрия Донского 1389 г. он назван без него⁶⁴.

Упомянутого «Списком вернейших бояр» Семена Ивановича нельзя признать Семеном Василье-
вичем духовной грамоты 1389 г., хотя бы потому, что имя Семена Ивановича известно по другим ис-
точникам. Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» при описании начала Куликов-
ского боя среди воевод полка правой руки называет среди прочих и князя Семена Ивановича⁶⁵. По-
скольку в это время среди боярских родов, действительно, нет ни одного Семена Ивановича (носив-
ший эти имя и отчество Семен Иванович Добрынский погиб в 1375 г. при штурме Твери⁶⁶), упоми-
наемого «Сказанием о Мамаевом побоище» и летописным списком Семена Ивановича следует ото-
ждествить с князем Семеном Ивановичем «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря».
То, что это был именно галичский князь, подтверждается тем, что рать из Галича принимала участие
в Куликовской битве, в описании которой называется князь Семен Иванович⁶⁷. То, что Семен Ивано-
вич в 1380 г. упоминается с княжеским титулом, а через девять лет – без него, объясняется тем, что
он также, как и князь Дмитрий Константинович Ноготь, утрачивает княжеский титул на московской
службе. Гораздо важнее для нас другое – зная его отчество (Иванович) и благодаря тому, что ранее
В.А. Кучкиным было выяснено действительное родословие первых колен галичских князей, у нас по-
является возможность привязать его к родословному дереву галичских князей – его следует признать
сыном князя Ивана Федоровича Галичского, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей
Иванович Серпуховской.

Последним из упоминаемых летописным «Списком вернейших бояр» Дмитрия Донского, но не
отождествленных нами лиц, оказывается Никита Федорович. Согласиться с осторожным предполо-
жением С.Б. Веселовского, что это мог быть Никита Федорович Туриков из рода Всеволожских, уби-

⁵⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 494 - 496.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XI. С. 9, 22.

⁶¹ Эжземлярский А.В. Ук. соч. Т. II. С. 423.

⁶² Кучкин В.А. «Данная» черницы Марины // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 308.

⁶³ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 187, 192, 200.

⁶⁴ ДДГ. № 6. С. 22; № 12. С. 36.

⁶⁵ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 63; ПСРЛ. Т. XI. С. 59.

⁶⁶ «Тогда убиша под городом Тферью Семена Ивановича Добрынского» (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 116).

⁶⁷ Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» среди погибших на Куликовом поле упоминает «20 бояринов галицских» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 48).

тый на Белевском бою 1438 г.,⁶⁸ нельзя. Выясняя, встречается ли имя Никиты Федоровича, современника и боярина Дмитрия Донского, в летописях, мы обнаруживаем московского боярина Никиту, великого князя Дмитрия Никита, так наречаемый, и бывъ въ Юрьеве много днии, не оучини ничтоже на добро ни мало, и приеха во Псковь»⁶⁹.

Определяя происхождение Никиты Федоровича и зная, что и Дмитрий Ноготь и Семен Галичский имели княжеский титул, мы должны предположить, что и он, возможно, принадлежал к одной из ветвей потомства Рюрика.

К какой? Для ответа на этот вопрос необходимо определить сыном какого Федора мог быть Никита. Задача существенно облегчается тем, что в свое время В.А. Кучкиным, правда, для других целей, была рассмотрена по нисходящей линии генеалогия русских князей с именем Федор, живших в конце XIII – первой половине XIV в., т.е. в тот период, когда должен был жить отец Никиты Федоровича⁷⁰. Искомым лицом оказывается князь Федор Васильевич Ростовский. Именно его сыном и являлся упомянутый «Списком вернейших бояр» Дмитрия Донского Никита Федорович. То, что последний не попал в родословцы вполне объяснимо – хотя он имел сыновей, все они погибли в междоусобной борьбе начала XV в. и позднее, в период составления родословцев, не осталось никого из его потомков, кто мог бы внести в них роспись этой ветви ростовских князей.

Идентифицировав трех лиц, упоминаемых летописным «списком вернейших бояр» Дмитрия Донского – князя Дмитрия Константиновича Ногтя Суздальского, князя Семена Ивановича Галичского и князя Никиту Федоровича Ростовского, мы легко можем объяснить – почему дошедшая до нас духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского не отмечает их в числе бояр – «послухов». Являясь на тот момент полуассальными «вольными слугами» московского великого князя, к тому же обладавшими своими суверенными уделами, по своему статусу они стояли выше московских бояр и не должны были свидетельствовать вместе с ними последнюю волю великого князя.

Итак, Семен Иванович, первый из «мифических» галичских князей оказывается реальным историческим лицом, жившим во времена Дмитрия Донского. Встречаются ли в русских летописях и другие «мифические галичские князья»? На этот вопрос мы также должны ответить положительно.

Судя по «Летописцу Воскресенского Солигаличского монастыря», у князя Семена Ивановича, имелись два сына – Андрей и Федор. Многие русские летописи рассказывают, что в 1397 г. великий князь Василий Дмитриевич послал своих бояр на Двину и в Заволочье сказать тамошним поселенцам, чтобы они «задались» за великого князя, который будет «боронить» их от Новгорода. После неудачных переговоров новгородского владыки Иоанна с великим князем новгородцы начали военные действия. Весной 1398 г. новгородские воеводы с ополчением пошли на Двину к городку Орлецу. На дороге их встретил владычный волостель с Вели (приток реки Ваги), от которого они узнали, что великокняжеский боярин Андрей в самый день Пасхи напал с двинянами на Вель, волость св. Софии, повоевал ее и взял поголовный («на головах») окуп⁷¹. Зная, что уже отец Андрея потерял на московской службе княжеский титул, мы предлагаем видеть в нем именно Андрея Семеновича. Что же касается другого сына Семена Ивановича – Федора Семеновича, то упоминание о нем в качестве «послуха» мы находим в двух актах первой половины XV в. Это – две данные Троице-Сергиеву монастырю – вдовы князя Петра Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) Евфросиньи Полиевктовны на село Новое с деревнями в Вышгородском стану Дмитровского уезда, и вдовы князя Афанасия Ивановича Шехонского Аграфены и ее детей на небольшой монастырек св. Николы на реке Шексне. Обе грамоты датируются 1432 – 1445 гг., по времени игуменства в Троице-Сергиевом монастыре упоминаемого в них Зиновия⁷².

Проверим достоверность и других фактов, встречающихся в «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря». Не противоречит известным нам фактам свидетельство «Летописца» о захоро-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 260.

⁶⁹ Там же. Т. IV. СПб., 1848. С. 192; Т. V. СПб., 1851. С. 15; Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 23, Вып. 2. М., 1955. С. 27, 103 – 104.

⁷⁰ Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 366 и след.

⁷¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 170. Первая Новгородская и Никоновская летописи Андрея именуют Албердовым. (ПСРЛ. Т. XI. С. 168; Т. III. Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 389). Очевидно, это прозвище. Но откуда оно взято, остается неясным. В литературе также не было высказано никаких точек зрения относительно его происхождения.

⁷² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 100, 103.

нении князя Федора Семеновича во Владимире «у Богородицы»⁷³. Встречается в летописях имя илучивший этот сан незадолго до смерти митрополита Алексея (1378 г.) и скончавшийся в Москве в 1397 г.⁷⁴ Дальнейшее знакомство с текстом древнейшей части «Летописца» показывает, что в ней сохранились и другие реалии, относящиеся к последней четверти XIV – первой четверти XV в. Таково, к примеру, известие о вражде сыновей князя Семена Ивановича: «князь Андрей с Федором к киевскому и московскому ездил мириться, и помирились...». Н.М. Карамзин, а вслед за ним и С.А. Семячко считали, что речь идет о «киевском и московском князе», как это указывается в поздних списках «Летописца». Но в ранних списках данного памятника слова «князь» нет. Речь, по всей видимости, идет о митрополите киевском и московском. Под этим определением, вероятно, скрывалась личность Пимена, находившегося в 1381 – 1382 гг. в ссылке в галичских пределах на Чухломе⁷⁵. При подобных примерах хорошо известны в это время.

Тем самым мы должны признать, что рассказ «Летописца» не является «плодом фантазии автора», как полагала С.А. Семячко, а отражает реально происходившие события. Поэтому нам необходимо, хотя бы приблизительно, реконструировать действительную хронологию основных отображенных в древнейшей части памятника событий.

«Летописец» начинается с того, что «приехали из Орды все князи русии, и досталось в удел князю Семену Ивановичу Кострома да Галич, и князь жил год и преставился». Конечно, говорить о том, что князю Семену достались «в удел» в конце XIV в. Кострома и Галич, не приходится. Но что же имел в виду автор этого известия, когда говорил об «уделе» князя Семена? Для этого мы должны вновь возвратиться к фрагменту из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивано-

⁷³ Владимирский соборный храм был местом родового захоронения потомков великого князя Всеволода Большое Гнездо. Здесь среди прочих князей были погребены великий князь Ярослав Всеволодович и его сын Константин Ярославич, ставший родоначальником галичских князей. Вполне допустимо, что и его далекий потомок князь Федор Семенович так же был захоронен в родовой усыпальнице. Правда, до настоящего времени его могила не сохранилась. Объясняется это тем, что с течением времени внутренность храма наполнилась захоронениями настолько, «что гробницы находились и в стенах, в особых комарах (нишах), и возле стен, подле гробниц, находящихся в комарах, и даже в некоторых местах одна гробница стояла на другой. В таком положении гробницы стояли до той поры (уже много позднейшей), когда, из желания сделать более простора в соборе, некоторые гробницы опустили под пол храма, а некоторые и совсем упразднили, переложив находившиеся в них останки в сохраненные гробницы; затем, еще позднее, и оставленные гробницы в комарах заложены были кирпичом. Только в придельных алтарях оставались видны некоторые гробницы». (Порфирий, архимандрит. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгинином девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители. 2-е изд. Владимир, 1903. С. 3 – 4).

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 33, 94, 95, 116, 117, 122, 126, 166; Ср.: Т. XIV. Ч. 2. Пг., 1918. С. 46. «Летописец» не случайно именует его игуменом. «Русский биографический словарь» дает о нем следующие сведения: «в епископа он хиротонисан около 1375 г., но в 1382 г. уехал из Смоленска в Москву и там остался; великий князь Дмитрий Донской дал ему в епархиальное владение город Звенигород, и Даниил именовался «владыкою звенигородским». Скончался в Чудовом монастыре в марте 1397 г.» (Русский биографический словарь. Т. 6 / Дабелов – Дядков-ский. СПб., 1905. С. 92.). То, что после Даниила не известно более звенигородских епископов, показывает, что сан этот был всего лишь почетным званием, данным в знак уважения. Реально же никакой епископской кафедры в Звенигороде в описываемое нами время не существовало. Тот факт, что Даниил скончался в кремлевском Чудовом монастыре, заставляет предположить, что в действительности он исполнял там обязанности игумена. Судя по всему, он занимал эту должность между Елисеем Четкой, упоминаемым около 1380 г., и Исаакием, известным в 1397 г. (Строев М.П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 162; Имеется репринтное издание этой книги: Кельн-Вена, 1990). Очевидно, в 80 – 90-е годы XIV в. Даниил играл роль митрополичьего викария на случай хиротоний епископов, а также церковных служб в столице во время длительных отлучек митрополита из Москвы. В конце 70-х – начале 80-х годов эту роль выполнял Коломенский епископ Герасим (См.: Мазуров А.Б. Когда была основана Коломенская епархия? // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. С. 52 – 53).

⁷⁵ Как известно, в 80-е годы XIV в. на Руси было два митрополита: Киприан и Пимен. Любопытно было бы проследить, как они именовались в документах того времени. Интересно и замечание «Летописца», что «московский велми жаловал князя Федора Семеновича». Очевидно, князь Федор, имевший реальную власть в Галиче, не преминул как-то облегчить судьбу высокопоставленного ссыльного, за что тот был впоследствии ему благодарен. Видимо, через Пимена князь Федор познакомился и с Даниилом, у которого просил монахов для устройства обители в Галиче. О тесных связях Пимена с Даниилом говорит хотя бы тот факт, что последний среди немногих лиц провожал Пимена в его последнее путешествие в Царьград вплоть до Дона, несмотря на определенное недовольство Дмитрия Донского самим фактом отъезда Пимена (ПСРЛ. Т. XI. С. 95).

вича», помещенному в Списке Дубровского IV Новгородской летописи. В нем рассказывается, что перед кончиной Дмитрий Донской потребовал от своих «вернейших» бояр, среди которых был и князь Семен Иванович Галичский, заботиться о княгине: «и се предаю вамъ княгиню свою...»⁷⁶.

В чем же выражалась эта забота? Из духовной грамоты Дмитрия 1389 г. видим, что его вдова Евдокия из уделов своих сыновей получала в пожизненное владение ряд волостей. В частности, ей достались «оу князя оу Василья... ис Костромы Иледам с Комелою, а оу князя оу Юрья из Галича Соль»⁷⁷. Понятно, что княгиня должна была управлять выделенными ей волостями. Разумеется, управление ими она осуществляла не лично сама, а через специально назначенных наместников, одним из которых, очевидно, и был князь Семен Иванович Галичский, управлявший ее галичскими и жесткими наместников и он мало зависел от того князя, в уделе которого находились эти волости. Об этом, в частности, свидетельствует все та же духовная грамота 1389 г. московского великого князя: «А хто моих боярь имет служити моеи княгине, техъ боярь, дети мои, блюдите с одиного»⁷⁸. Видимо, этот особый статус Семена Ивановича Галичского и имел в виду автор «Летописца», когда говорил об «уделе» князя Семена.

Под 1392 г. русские летописи сообщают о поездке в Орду сына Дмитрия Донского, великого князя Василия Дмитриевича. К хану он отправился 16 июля,⁷⁹ а обратно на Русь вернулся в октябре того же года⁸⁰. Летом предшествовавшего 1391 г. хан Тохтамыш потерпел поражение от Тимура, остро нуждался в деньгах и с целью их сбора вызывал в Орду и других русских князей. В частности, сохранилось известие летописца о возвращении из Орды в 1391 г. князя Бориса Константиновича нижегородского (из рода суздальских князей)⁸¹. Отсюда становится понятным, что говоря о возвращении на Русь великий князь Василий Дмитриевич, очевидно, имел в виду осень 1392 г., когда от галичский прожил еще год, его кончину следует отнести к 1393 г. После его смерти галичскими волостями великой княгини Евдокии стал управлять его сын Федор, а костромскими – брат последнего Андрей Семенович.

Затем рассказывается о посещении князем Федором Семеновичем «игумена Даниила». Поскольку, как мы выяснили, им был Даниил, епископ звенигородский и смоленский, это событие могло произойти только до его кончины в 1397 г.

Попробуем теперь определить время основания Воскресенского монастыря в Солигаличе. Это событие не могло произойти ранее 1393 г., когда умер князь Семен Иванович Галичский, поскольку в «Летописце» об основании монастыря говорится уже после смерти Семена. Определенное указание на точную дату основания дает сам памятник, когда сообщает, что закладка храма состоялась в праздник Вознесения, пришедшийся на день памяти святого Иова Многострадального (6 мая), а следовательно Пасха в этот год должна была праздноваться 28 марта. Обратившись к пасхальным таблицам, видим, что подобное сочетание дней за XIV – XV вв. случилось всего 7 раз: в 1339, 1350, 1361, 1372, 1434, 1445 и 1456 гг.⁸² Но ни одна из этих дат нас не удовлетворяет по ряду причин. В чем же тут дело? Обратившись к тексту «Летописца», видим, что он сообщает о завершении строительства храма к Ильину дню (20 июля). Очевидно, в исходном тексте памятника сообщалось о том, что закладка церкви состоялась в праздник Вознесения, а уже на следующий день, пришедшийся на память Иова (6 мая) закипела работа по его возведению. Позднейший составитель «Летописца» не разобрался в этом и приурочил эти два этапа (собственно закладку и начала строительства) к одному и тому же дню. При таком понимании текста, снова обратившись к пасхальным таблицам, мы можем выяснить, что подобное соотношение дней за 200 лет (с 1300 по 1500 г.) имело место всего 5 раз: в 1345, 1407, 1418, 1429 и 1440 гг. Наиболее вероятным из них представляется 1407 г.⁸³ Именно его и

⁷⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 488.

⁷⁷ ДДГ. № 12. С. 34.

⁷⁸ Там же. № 12. С. 36.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 132; Т. XXV. С. 219.

⁸⁰ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 162; Т. XVIII. С. 142.

⁸¹ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 160; Т. XVIII. С. 141.

⁸² Степанов Н.В. Календарно-хронологический справочник // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1917. Кн. 1(260). Таблица 11-я.

⁸³ Любопытно, что под тем же 1407 г. летописец поместил известие о закладке вдовой Дмитрия Донского незадолго до ее смерти Вознесенского монастыря в московском Кремле: «Тое же весны княгини великая Евдокия Дмитриева заложи на Москве церковь камену святого Възнесения внутри города». Здесь она была и похоронена 7 июня. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 236). Судя по названию обители, ее закладка пришлась на праздник Вознесения –

следует признать датой основания Воскресенского монастыря.

Далее «Летописец» повествует об истории вражды князя Андрея Федоровича Галичского с его дядей Андреем Семеновичем Костромским и Никитой Ветлужским. Зная внутривластную обстановку в Северо-Восточной Руси того времени, легко понять и истоки этого конфликта. С начала XV в. обостряются противоречия между великим князем Василием I и его дядей князем Юрием Дмитриевичем, претендовавшим на великокняжеский стол. Все это в итоге привело к длительной фео-

не останавливаясь на этих, неоднократно описанных событиях, укажем лишь, что до поры до времени противники внешне сохраняли мир: князь Юрий Дмитриевич вполне резонно опасался маятем Василию I. Но среди прочих сторонников обоих лагерей, не обремененных дипломатической остротой, настроения были более напряженными. Между тем, галичские князья оказались по разную сторону линии противостояния. Сын Федора – Андрей служил князю Юрию Дмитриевичу, а дядя князь Андрей Семенович – великому князю Василию I. Понятно, что в этих условиях, чувствуя превосходство сил своего господина, князь Андрей Семенович не смог избежать соблазна силой захватить вотчины своего племянника. Вот как повествует об этом «Летописец»: «посла князь Андрей (Федорович. – К.А.) послы на Ветлугу х князю Никите Ивановичу да х Костроме к дяде своему пограбили, а ему приказали: не ведати тебе вотчины до века. И князь Андрей Федорович ходил с великою силою на те вотчины, выжгли промеж ими».

В нашу задачу не входит описание и установление точной хронологии всех перипетий этой борьбы. Укажем лишь на то, что, по данным «Летописца» на стороне Андрея Семеновича и Никиты Ветлужского выступили «племянники» последнего – суздальские князья Данило Борисович, Юрий Васильевич, Михаил Дмитриевич, а также татары и черемисы. Борьба шла с переменным успехом – в ней пали сыновья Никиты – Гавриил и Юрий, сын Андрея Семеновича – Дмитрий, а сама она сопровождалась разорением целого ряда мест: князь Андрей Федорович «на Костроме грады пожег», а в отместку его противники разграбили Воскресенский монастырь в Солигаличе, после чего он на длительный срок запустевает⁸⁴.

Эта междоусобная борьба нашла свое отражение и в других источниках. Среди суздальских князей этого времени, действительно, известны князья Данило Борисович и Юрий Васильевич. Московский летописный свод конца XV в. 3 июля 1410 г. датирует известие о набе «изгоном» одного из отрядов князя Данилы Борисовича вместе с татарами на Владимир и учиненных там грабежах⁸⁵. После сообщения «Летописца» о сожжении князем Андреем Федоровичем городов «на Костроме» вполне очевидной становится причина укрепления в 1410 и 1416 гг. Василием I Плеса и Костромы⁸⁶.

Описание борьбы, в которой принимали участие галичские князья и Никита Ветлужский, а вместе с тем и вся древнейшая часть «Летописца», заканчивается известием о «море»: «И попусти Бог князю Никите: прииде на его землю болезнь коркотная и изморша вси, и погибе град Хлынов». И действительно, под 1420 г. московский летописный свод конца XV в. отмечает это событие, помещая о нем целую статью: «О мору и о гладе. В лето 6928. Бысть морь силенъ на Костроме и въ Ярославле, в Галиче, на Плесе, в Ростове, почен от Успенья Богородици (15 августа. – К.А.). И тако выморша, яко и жита бе жати некому, а снегъ паде на Никитинъ день (15 сентября. – К.А.) и иде три дни и три ноши, паде его на 4 пяди и потом соиде и потом мало кто, что ежа, и бысть глад по мору»⁸⁷.

Таким образом, видим, что в «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря» нашли свое отражение реальные лица и события, укладываемые в хронологические рамки между 1392 и 1420 гг.

Но почему же все они отнесены памятником к эпохе до 1372 г. (или 1375 г., по другим спискам)? Виною тому стало то, что составитель «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря» не смог справиться с одной исторической проблемой, которая, к слову сказать, была решена только во второй половине XX в. Она заключается в вопросе – где находился центр владений князя Никиты

именно на тот день, когда, по нашим расчетам, в Солигаличе, которым распоряжалась Евдокия, также закладывали церковь. Было ли это совпадение случайным или все же имело определенный смысл?

⁸⁴ Пересказ этих событий по Списку Публичной библиотеки содержится в статье А.С. Верещагина «Один ли был город Хлынов?» (*Верещагин А.С. К истории древнего Хлынова*. Вятка, 1904. С. 81 - 83).

⁸⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 240.

⁸⁶ Под 1410 г.: «того же лета князь великий Василен повеле рубити град Плесо» и под 1416 г.: «того же лета град Кострома заложенъ бысть» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 240, 243).

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 244.

Ветлужского? «Летописец» на этот счет неоднократно указывает, что его стольным городом являлся Хлынов.

Однако здесь возникает серьезное противоречие, с которым, несомненно, должен был столкнуться составитель памятника. Известно, что Хлыновым вплоть до 1780 г. называлась Вятка (ныне Киров), и в литературе основание города обычно связывают с историей Вятки уходящими своими корнями в XIV в. г. Под этой датой в ряде летописей рассказывается о походе ушкуйников, ограбивших поволжские земли. С награбленной добычей они «преидоша за Волгу, и суды вся пожгоша, а сами поидоша къ Вятке на конехъ по суху и, идуще, множество сель и властей по Ветлузе пограбиша»⁸⁸.

Мы уже видели, что древнейшая часть «Летописца» заканчивается известием о гибели ветлужского князя: «И не попусти Бог Никите, прииде на его землю болезнь коркотная и изморша вси, и поги походе ушкуйников по реке Ветлуге в 1374 г., составитель «Летописца», очевидно, понял его таким образом, что старый город Хлынов, располагавшийся на Ветлуге, был уничтожен в 1374 г., а после этой даты возникает новый одноименный город, на этот раз на Вятке. Тем самым он пришел к выводу, что все содержание древнейшей части памятника должно относиться ко времени до 1374 г.⁸⁹ Исходя из этого, он попытался определить и время, начиная с которого идут известия «Летописца». Обнаружив в летописях под 1332 г. известие о выезде из Орды Ивана Калиты,⁹⁰ он сопоставил его с начальной фразой памятника: «приехали из Орды вси князи русти» и отнес ее именно к этому году. Далее, в соответствии с этими двумя предположениями, он, по своему разумению, разбил содержание «Летописца» на отдельные погодные статьи.

⁸⁸ Там же. Т. XI. С. 20; Т. XXV. С. 189; *Эммаусский А.В.* Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 17; *Луппов П.Н.* История города Вятки. Киров, 1958. С. 59; История города Кирова. 1374 – 1974. Краткий очерк. Киров, 1974. С. 13.

⁸⁹ Составитель «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря» считал, что после разорения главного города князя Никиты Ветлужского Хлынова на Ветлуге его население перешло на Вятку, где впоследствии возникает новый город Хлынов, соотносимый с древней Вяткой, известной с 1374 г. Начиная с этого времени в летописях о ней постоянно встречаются упоминания, в которых нет ни малейшего намека на то, что в ней княжил ветлужский князь. Эту задачу с привлечением материалов «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря» попытался решить еще в начале XX в. вятский историк А.С. Верещагин в статье «Один ли был город Хлынов?». Но, он в принципе признавая возможность существования двух одноименных городов Хлыновых – на Вятке и на Ветлуге, не пошел дальше простого пересказа и признания «более чем сомнительным» всех показаний солигаличского «Летописца» (*Верещагин А.С.* К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 80 – 91). Эту проблему в 1971 г. удачно объяснил вятский историк А.В. Эммаусский. «Ошибка заключалась в том, – писал он, – что все историки считали, что главный город Вятской земли с самого своего возникновения назывался Хлыновом, а слово “Вятка” трактовали как синоним Вятской земли». В доказательство своих утверждений, обратившись к «Списку русских городов дальних и ближних» конца XIV в., он отметил, что в перечне «залесских» городов после Нижнего Новгорода и Курмыша на Суре стоит Вятка, но нет никакого Хлынова (*Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 248). Этот источник, по мнению ученого, «убеждает нас, что первый город, поставленный на р. Вятке, первоначально носил название этой реки». Он упоминается и в договорной грамоте 1428 г. Василия II с Юрием Галицким (ДДГ. № 24. С. 64, 66), и в послании митрополита Ионы 1452 г. на Вятку (Акты исторические. Т. I. СПб., 1841. № 261. С. 490 – 492). И только после 1452 г. в документах появляется другое наименование – Хлынов. В Воскресенской, Львовской и Софийской первой летописях, в Устюжском летописном своде под 1457 г. помещено известие о походе московских войск на Вятку «со многими силами». Войска долго стояли под городом Хлыновом, но не взяли его и ушли обратно, так как вятчане подкупили одного из московских воевод Григория Перхушкова и он им «норовил» (ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 45 /Устюжская летопись/). Отсюда А.В. Эммаусский делает вывод: «город Вятка получил другое название Хлынов в промежуток времени между 1452 и 1457 гг. Но для этого переименования был необходим какой-то повод. К сожалению, об этом поводе мы ничего не знаем и можем только высказывать догадки, исходя из исторической обстановки того времени» (*Эммаусский А.В.* К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова). Учебное пособие. Киров, 1971. С. 21, 29 – 31). Итак, название вятского Хлынова встречается в источниках только с середины XV в. Очевидно, что упоминаемый в солигаличском «Летописце» Хлынов не имеет ничего общего с вятским одноименным городом и находился в совершенно другом месте. Где? Исходя из неоднократных указаний «Летописца», мы можем достаточно уверенно говорить о том, что город Хлынов, являвшийся столицей удела князя Никиты Ветлужского, в XIV – начале XV в. располагался на реке Ветлуге. Археологически его следует связать с одним из городищ, расположенных на этой реке, близ современного города Ветлуга Нижегородской области (См.: *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 22. М., 1951. С. 110 – 158).

⁹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.

Искусственность подобной хронологии видна по анализу уже первых двух статей «Летописца». Под 1332 г. сообщается о получении князем Семеном Ивановичем удела, после чего он прожил еще один год. Далее говорится об основании монастыря в Галиче его сыном князем Федором Семеновичем, первый настоятель которого Афанасий игуменствовал в нем *три* года. Не замечая явной арифметической ошибки, составитель «Летописца» датирует рассказ о знамении князю Федору 1335 г., т.е. на третий год игуменства Афанасия, забыв о том, что с момента получения его отцом удела должно было пройти, как минимум, *четыре* года. Отсюда вполне закономерно вытекает и другая ошибка в хронологии в следующей статье, помеченной им под 1335 г., и которую составитель памятника просто не заметил – в этот год праздник Вознесения приходился не на 6 мая, как говорит источник, а на 25 мая.

И все же, несмотря на столь очевидные хронологические ошибки «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря», мы не можем согласиться с мнением С.А. Семячко, полагавшей, что перед нами не историческое сочинение, а чисто литературное произведение: в нем нашли свое отражение реальные события и лица, которые известны и по другим источникам. Вместе с тем, признавая достоверность упоминаемых в нем лиц и событий, требуется тщательная источниковедческая работа по определению действительной хронологии описанных явлений. Прделанный анализ показал, что изложенные в этом памятнике факты мы можем датировать промежутком между 1392 и 1420 гг.

Но самым главным для нас является то, что осуществленный нами разбор исторических сведений, содержащихся в «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря», позволил выявить еще одну ветвь галичского княжеского дома, не известную родословцам, и связать ее с основным родословным деревом (см.: таблица 3). В сохранившиеся до нашего времени родословцы она не вошла, поскольку все ее представители вымерли в первой половине XV в. и при их составлении некому было подать соответствующие сведения.

Таблица 3

Родословие «мифических» галичских князей, упоминаемых в «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря»

№ п/п	Имя	№ отца
V колено		
1.	Иван Федорович, князь галичский	
VI колено		
2.	Семен Иванович	1
VII колено		
3.	Федор Семенович	2
4.	Андрей Семенович	2
VIII колено		
5.	Андрей Федорович	3
6.	Дмитрий Андреевич	4

Но исчерпываются ли этими именами все галичские князья, не попавшие в составленные позднее родословцы? Выше мы говорили о том, что в синодике московского Успенского собора упоминаются князья «Василий Галичский», «Феодор и Михаил Галичские»⁹¹. Сведения о них находим в житии Авраамия Галичского (Чухломского или Городецкого).

Оно было написано в 1548 – 1553 гг. Протасием, игуменом основанного преподобным Городецко-го монастыря. В его основу были положены старые монастырские записи о святом, составленные задолго до середины XVI в. «И вопросившу ми иноков тоя святыя обители, – пишет Протасий, – благовейных и многолетних, есть ли каково списание о житии и о пришествии на место сие преподобного Авраамия. Иноцы же тоя святыя обители принесоша ми мало нечто написано о житии преподобного Авраамия ветхо и издранно, аз же едва прочтох и известно изверихся о житии преподобного не токмо же от писания сего, но и сам своима очима видех от святого его гроба многая чудеса».

Согласно этому источнику, место рождения и мирское имя Авраамия неизвестны. Далее рассказывается, что он пришел к Сергию Радонежскому, который совершил его постриг. В Троице-Сергиевом монастыре новый иннок трудился в поварне и пек хлеб. Но это не удовлетворяло Авраамия

⁹¹ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до историй, географии и генеалогии российские касающихся. 2-е изд. М., 1788. С. 449.

удел своему сыну князю Юрию Дмитриевичу. Последний, так же как и его предшественник князь Дмитрий Федорович, часто приезжал в монастырь и всячески ему покровительствовал.

Однако несмотря на это, когда монастырь расширился, Авраамий поставил братии вместо себя игуменом инок Порфирия, а сам ушел за 50 верст в пустынное место у небольшого озера, «зело к бысть от братии», которая обратилась к нему с мольбой вернуться обратно в монастырь. Он не согладалюбивый отец, не презре молений их, но остави их пребывати с собою». Вскоре к нему из прежней обители стали приходить по двое, по трое, а иногда и больше монахов. Когда количество братии умножилось, Авраамий по ее просьбе построил здесь церковь во имя Положения пояса Богородицы, «трапеза же и келия и прочая, и ту опщее житие составляет, еже есть и доныне». Так образовался новый монастырь, получивший название Великой пустыни (ныне деревня Озерки Чухломского района Костромской области).

Позднее Авраамий оставил и второй монастырь, назначив в нем игуменом своего ученика Алексея, а сам ушел за 12 верст, где обрел «место красно и угодно к безмолвию» на речке Вига. История повторилась вновь: к нему опять пришли ученики, стали умолять его жить вместе с ними, и он «яко чадолюбивый отец» не презирает их просьб, ставит церковь в честь Собора Богородицы. Так возникла Верхняя пустынь (ныне село Коровье Чухломского района).

Но и в этой обители Авраамий пробыл недолго. Назначив своим преемником ученика Пафнутия, он оставил своих учеников, отошел за 12 верст к Чухломскому озеру, обрел здесь «место красно у езера того в подгори» и строит на его северном берегу себе маленькую церковь под горой. Опять к нему приходят ученики из старых монастырей, после чего на новом месте были сооружены большая церковь во имя Покрова Богородицы, трапезная, кельи и прочие монастырские строения, «и ту опщезитие составляет, еже есть и доныне». Новая обитель получила название Городецкого монастыря (ныне село Ножкино Чухломского района). Вскоре в нем число братии умножилось до ста человек.

Всего, таким образом, Авраамий основал четыре обители в пределах Галичского края. При этом новые монастыри комплектовались в основном за счет прежних иноков, которых преподобный знал и которые так или иначе от него зависели.

Когда Авраамий состарился и не мог больше управлять монастырем, то сам назначил преемником своего ученика Иннокентия – «дает им во свое место игумена... сему повеле пасти» стадо Христово. Желая провести последние дни жизни в совершенном безмолвии, преподобный отошел от монастыря на расстояние одной версты, перенес туда из-под горы прежнюю свою часовню и там «единому Богу беседова в молитвах, и посте, и во всенощном стоянии, и в непрестанном слезном течение». За полгода до смерти он узнал время своей кончины и стал каждую неделю причащаться тайн Христовых. В июле он занемог и зная о скором своем отшествии в мир иной, захотел призвать всех учеников и «посылает по всех игуменов монастырей своих», и все они, отмечает «Житие», как орлы, прилетели на его «погреб». В их присутствии он причастился в последний раз и скончался 20 июля 6883 (1375) г. Тело его тогда же было перенесено из часовни в обитель, где остается и поныне. Таково сказание о жизни Авраамия Галичского⁹³.

Кем же был принявший столь деятельное участие в судьбе Авраамия Галичского князь Дмитрий Федорович? Житие святого уточняет, что он являлся внуком князя Василия Константиновича. Но, обратившись к родословцам галичских князей, мы не находим в них ни Дмитрия Федоровича, ни его деда Василия Константиновича. Тем не менее, благодаря работам предшествующих исследователей, легко выяснить, что речь в данном случае идет о князе Василии Константиновиче Ростовском, у которого в 1310 г. родился сын Федор («родися князю Василью Костянтиновичю сынъ Феодоръ»),⁹⁴ и его внуке Дмитрие. Правда, в других летописях это известие помещено несколько в другом виде: «родися Василью Костянтиновичю Галичкому сынъ Феодоръ»⁹⁵. Почему же эти князья, хотя принадлежали к ростовскому княжескому дому, именуется галичскими?

⁹³ См.: Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI вв. (по «житиям святых»). М., 1966. С. 149 – 152; Житие и чудеса преподобного и богоносного отца нашего Авраамия Галичского, игумена Городецкого, нового чудотворца. 2-е изд. СПб., 1899; Прилуцкий Д.Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861. Два последних издания перепечатаны в книге: Преподобный Авраамий Городецкий, чухломской и галичский чудотворец, и созданный им Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь. М., 1996.
⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 529 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку); Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей. С. 367 – 368.
⁹⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 253.

О Федоре Васильевиче летописец сообщает, что он женился в 1326 г. и умер в 1331 г.⁹⁶ Из родословцев нам известно, что Федор разделил со своим братом Константином Ростов на две половины: «князь Федор да князь Костянтин град Ростов поделиша, и досталася Устретинская сторона князю Федору, а Костянтину досталася другая половина города Ростова – Борисоглебская сторона»⁹⁷. Но ограничивались ли владения Федора только Сретенской стороной Ростова? Вряд ли. В.А. Кучкиным было установлено, что брату Федора – Константину Васильевичу помимо Борисоглебской стороны Ростова принадлежал Устюг и волости по Ваге и Северной Двине⁹⁸. Поскольку Устюг являлся старинным владением ростовских князей начиная еще с XIII в.,⁹⁹ становится ясным, что свои северные владения князь Константин Васильевич должен был получить по наследству от отца князя Василия Константиновича Ростовского. Если это так, то, зная о принципе равного раздела наследства в это время, логично предположить, что не менее обширные пространства на лесных окраинах Северо-Восточной Руси должен был получить и другой сын князя Василия Константиновича Ростовского Федор. Как было в свое время установлено нами, ростовским князьям на рубеже XIII – XIV вв. удалось внедриться в восточную часть Галичского княжества, где им принадлежали значительные земельные владения по Ветлуге¹⁰⁰. Отсюда становится понятным уточнение летописцев о том, что князь Василий Константинович Ростовский и его сын Федор – «галичские князья». Происходя из ростовского княжеского дома, князь Василий Константинович имел гораздо большие владения на востоке Галичского княжества, нежели в своем Ростове и поэтому неудивительно, что для летописцев он является в первую очередь именно галичским князем. Очевидно, именно их имел в виду составитель синодика Успенского собора, когда говорил о Василии и Федоре Галичских. Упоминаемый в нем вместе с Федором Михаил, судя по всему, был братом Федора, возможно рано умершим.

«Житие» Авраамия Галичского для нас интересно тем, что в нем также, как и в «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря», имеются хронологические неувязки. Уже первые исследователи «Жития» Авраамия указывали на неточность даты кончины преподобного, указанной в этом источнике. Об этом говорит тот факт, что Авраамий назван современником князя Юрия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского). Но он получил Галич много позже 1375 г. – лишь в 1389 г. по духовной грамоте своего отца. Отсюда легко убедиться, что Авраамий скончался позднее последней даты¹⁰¹.

Несмотря на крайнюю скудость хронологического материала в «Житии» Авраамия Галичского, мы все же можем наметить приблизительные хронологические рамки этого памятника. Судя по тому, что галичский князь Дмитрий Федорович (он родился не позднее 1331 г., когда умер его отец) являлся старшим современником князя Семена Ивановича, скончавшегося, как мы выяснили в 1393 г., приход Авраамия в Галичскую землю следует отнести ко времени до этого события. Скорее всего, имеющаяся в памятнике единственная дата – 20 июля 1375 г. – как раз и является точным временем прихода Авраамия в Галич. Уход Авраамия из Троице-Сергиева монастыря, очевидно, был связан с известными событиями в последнем, в результате которых в 1375 г. Сергей Радонежский вынужден был покинуть свою обитель и перебраться на Киржач¹⁰². Тот факт, что Авраамием в пределах Галичского княжества было основано четыре (!) обители, легко объясняется тем, что, как мы видели по «Летописцу Воскресенского Солигаличского монастыря», в первые десятилетия XV в. в Галичском

⁹⁶ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 530, 531 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку).

⁹⁷ Родословие ростовских князей см.: Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 13 – 16, 96 – 100; Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 37 – 40, 140 – 143, 228 – 231; ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 227.

⁹⁸ Кучкин В.А. Формирование. С. 275 – 279.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 116; Кучкин В.А. Формирование. С. 89.

¹⁰⁰ Аверьянов К.А. Ветлужский удел ростовских князей: миф или реальность? // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 54 – 60.

¹⁰¹ Прилуцкий Д.Ф. Указ. соч. С. 3. Прим. 1. Однако в целом хронология жизни Авраамия Галичского сомнению не подвергалась, поскольку вроде бы подтверждалась другими источниками. В частности укажем на то, что согласно «Житию» Авраамий появился в Галиче, когда там управлял князь Дмитрий Федорович, а в Москве княжил великий князь Дмитрий Донской. Последний вскоре изгнал князя Дмитрия из Галича. Это известие «Жития», на первый взгляд, находит свое подтверждение в летописном материале – в сообщении под 1363 г.: «князь Дмитрий Иванович сгони съ княжения Галицкого князя Дмитрея». На основании этого авторы издающейся ныне «Православной энциклопедии» полагают, что Авраамий появился в Галиче в середине XIV в., а точнее в княжение князя Дмитрия Галицкого, который владел Галичем в 1360 – 1363 гг. (Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 173 – 175). Но ранее мы выяснили, что в данном случае летописец имел в виду не князя Дмитрия Федоровича, а жившего одновременно с ним его тезку – князя Дмитрия Борисовича.

¹⁰² Подробнее: Аверьянов К.А. Сергей Радонежский: личность и эпоха (в печати).

княжестве развернулась ожесточенная борьба между сторонниками великого князя Василия I и удельного князя Юрия Дмитриевича. В этих условиях Авраамий Галичский был вынужден покинуть основанные им обители и перебираться на новое место.

Рассмотренные нами памятники галичской письменности важны тем, что позволяют значительно расширить наши представления о ее характере. В своей статье о начале Галича А.Г. Авдеев высказал предположение о ведении в XV в. летописания в Галиче. Не отрицая такой возможности, все же выскажем мнение, что если оно и существовало, то в гораздо более позднюю эпоху. На это указывают многочисленные хронологические «неувязки», свидетельствующие о том, что отдельные записи, документы и предания собирались и обрабатывались много позже описываемых событий. Если это так, то говорить о полном доверии к дошедшим до нас отрывкам галичской книжности не имеет смысла – хотя в основе подобных источников лежат реальные факты и упоминаются действительно существовавшие лица, их обработчики и составители не смогли правильно разобраться в собранном ими материале и перенесли героев своих сочинений в другие исторические эпохи.

Все это в полной мере относится и к «Тычинкинскому летописцу». Обратившись к этому источнику, видим, что все указанные в нем «мифические» галичские князья: Семен Андрей и Федор являлись реальными людьми и действительно принадлежали к галичскому княжескому дому. При этом они, однако, жили не в XII в., как указывает данный памятник, а действовали в XIV в., т.е. двумя столетиями позднее. Отсюда следует наш главный вывод – говорить, ссылаясь на «Тычинкинский летописец» и другие материалы позднего галичского летописания, о первом летописном упоминании Галича под 1167 г. является грубой ошибкой.

6. Версия об основании Галича в 1159 г.

В 1959 г. Галич торжественно отметил свое 800-летие. Основанием для этого во многом послужили археологические изыскания П.А. Раппопорта в 1957 г., установившего здесь наличие укреплений, которые он датирует серединой XII в. На данный момент, если не считать очень незначительных разведок 1995 и 2005 гг., более современных работ по археологии Галича нет. К сожалению, археологический материал дает весьма приблизительные даты (с точностью до полустолетия). Известный археолог А.В. Куза писал: «Например, плохо разделяются материалы конца X и начала XI в., последней четверти XI и первой трети XII в., второй половины XII и начала XIII века»¹⁰³. Поэтому установить дату основания Галича по данным археологии не представляется возможным. Можно говорить лишь об археологически доказанном существовании Галича в середине XII в. Но какой период следует считать «серединой столетия? Видимо, наиболее правильным будет определить «середины столетия» как третье двадцатилетие, т.е., как период с 41 до 60 года включительно, в данном случае 1141 – 1160 гг.

Для определения более точной датировки следует обратиться к письменным источникам, основываясь на которых, можно высказать определенные взгляды по поводу времени основания Галича.

Как справедливо указывают все исследователи этого времени, впервые Ростово-Суздальская земля стала самостоятельной, доставшись Юрию Долгорукому. Так, по мнению В.А. Кучкина, «со смертью Владимира Мономаха прекратилась зависимость Ростовской земли от Южной Руси. Юрий Долгорукий стал суверенным князем. Он – первый самостоятельный князь Ростово-Суздальской "волости"». И далее историк делает важный для нас вывод: «Ранее, когда Ростовская земля зависела от Южной Руси, установление твердых границ не имело смысла. Мономах, например, держал Новгород, Смоленск и Ростов своими сыновьями, поэтому четкое размежевание принадлежавших этим центрам земель не было необходимостью для верховной власти. Но когда князья, говоря словами А.Е. Преснякова, из лиц, заведовавших частями общего целого, становились государями "полных, особых владений", вопрос о границах их княжеств вставал со всей остротой»¹⁰⁴.

Как следствие этого, начинаются столкновения из-за пограничных владений. В 1147 г. Юрий Долгорукий начал войну с Новгородом и захватил Торжок с Помостьюем (земли по р. Мете)¹⁰⁵. За новгородцев вступился киевский князь Изяслав Мстиславич: «Гюргии из Ростова обидить мои Новгородъ и дани от них отоимал и на поутех имъ пакости деть», – жаловался он¹⁰⁶. Переговоры ни к чему не при-

¹⁰³ Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 44

¹⁰⁴ Кучкин В.А. Формирование. С. 75 – 76.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 339.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 367.

29

вели и в начале 1149 г. Изяслав предпринимает поход на Юрия Долгорукого. На стороне первого приняли участие помимо новгородцев и смоляне. Изяслав с союзниками выступил от устья р. Медведицы, впадающей в Волгу, и дошел почти до Ярославля, вынужденный отступить лишь из-за начавшейся весенней распутицы. Летописец уточняет, что в ходе этой кампании союзники взяли в плен свыше 7000 человек и взяли 6 городков Ростово-Суздальской земли. По мнению исследователей, речь идет о Кснятине, Угличе, Твери, Мологе, Шоше и Дубне, записавших движение по Волге и ее притокам вглубь Ростово-Суздальской земли. Как справедливо указывает В.А. Кучкин, «события начала 1149 г. показывают, что на границах Ростовской земли с Новгородом к тому времени был построен ряд крепостей». Отсюда историк делает вывод: «бесспорно то, что к концу 40-х годов XII в. Юрий поставил ряд городов по Волге и за Волгой, чтобы укрепить порубежные места своего княжества. Вместе с тем это показатель формирования границы между Ростовской и Новгородской землями»¹⁰⁷.

Взглянув на карту русских княжеств середины XII в., легко заметить, что Галич представлял собой самый северный форпост Ростово-Суздальской земли на границе с новгородскими владениями. Но существовал ли он к этому времени как крепость?

Выше мы отмечали, что историками, начиная уже с В.Н. Татищева, было подмечено, что многие города Северо-Восточной Руси носят такие же названия, как и города Южной Руси. Достаточно открыть атлас, как в глаза сразу же бросаются подобные примеры: Галич на Украине и Галич в Костромской области, село Звенигород подо Львовом и город Звенигород в Московской, киевский Вышгород и село Вышгород близ Вереи в Московской области. Самым ярким из этих случаев представляются три Переяславля: Киевский (ныне г. Переяслав-Хмельницкий), Рязанский (современная Рязань) и Залесский (в Ярославской области), расположенные все три на одноименных реках Трубез. Сходство это не случайно и свидетельствует о широком потоке переселенцев в Северо-Восточную Русь из Южной Руси, постоянно разоряемой набегами кочевников и страдавшей от княжеских междоусобиц. Прибывая на новые места, переселенцы называли возникающие селения и природные объекты привычными именами.

В случае с Галичем Костромской области имеется возможность установить непосредственную его связь с Галичем на территории современной Украины. Речь идет о достаточно известном деятеле того времени – князе Иване Ростиславиче Берладнике, сыне князя Ростислава Владимировича Перемышльского.

До 1144 г. Иван Ростиславич княжил в городке Звенигород, расположенном в Юго-Западной Руси. Однако в этом году жители соседнего Галича, недовольные долгим отсутствием своего князя Владимира Владимировича, бросившего в условиях междукняжеской усобицы свой город на произвол судьбы и отправившегося на охоту, пригласили Ивана Ростиславича в Галич. Он не замедлил явиться туда, но вскоре вынужден был покинуть Галич и свой удел вследствие начавшейся борьбы с Владимиром Владимировичем. Сначала он бежал на Дунай в город Берлад, служивший в XII в. оплотом для всех беглецов из Руси (отсюда его прозвище), а затем «подем» к новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, боровшемуся в это время с великим князем Изяславом Мстиславичем. С этого времени начинается скитальческая жизнь Берладника, служившего со своей дружиной то одному князю, то другому, и представляющего собой первый известный нам пример служилого князя. Дружина Ивана Ростиславича представляла собой достаточно большую силу и русские князья были заинтересованы в привлечении его на свою сторону. Представление о ее размерах дает тот факт, что когда в 1146 г. Иван Ростиславич перешел служить от князя Святослава Ольговича к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, его прежний наниматель должен был выплатить ему в качестве жалования 200 гривен серебра и 12 гривен золота.

Но и в Смоленске Иван Ростиславич не задержался. Под 1149 г. новгородские летописи сообщают о службе Ивана Берладника князю Юрию Долгорукому, рассказывая о столкновении между новгородскими и ростово-суздальскими данниками: «идоша даньници новгородьстии въ мале: и учювь Гюрги, оже въ мале шли, и посла князя Берладьскаго съ вон, и бивъшеся мало негде, сташа новгородьци на острове, а они противу ставшее, начаша городъ чинити в лодьяхъ; идоша новгородьци к нимъ на трети день, и бишася; и много леже обоихъ, нь суждальць бес-щисла»¹⁰⁸. К сожалению, мы не знаем места этой битвы. В.А. Кучкин полагал, что речь должна идти о районе Торжка и Помостья, т.к. именно в этом году происходил описанный выше поход великого князя Изяслава Мстиславича на Ростово-Суздальскую землю. Однако историк не учел, что новгородский летописец помещает это известие уже после рассказа о битве между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем под Пере-

¹⁰⁷ Кучкин В.А. Формирование. С. 80 – 82.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 10.

яславем, состоявшейся в августе этого года, в результате которой Юрий занял Киев. Поэтому более оправданной выглядит точка зрения А.Н. Насонова, полагавшего, что данное столкновение произошло на территории Заволочья, т.е. в северной части Руси¹⁰⁹. Исходя из этого, можно предположить, что Юрий Долгорукий, пригласив дружину Ивана Берладника для защиты своих северных рубежей, разместил ее в районе современного Галича.

Однако спустя несколько лет политическая ситуация на Руси резко изменилась. В 1155 г. Юрий Долгорукий окончательно занял Киев. Зятем Юрия к этому времени стал единственный сын Владимира Галицкого Ярослав. Положение последнего в Галиче Южном было по-прежнему непрочным – многие галичане стремились посадить на галицкий стол князя Ивана Ростиславича. Благодаря прояскам Ярослава, Берладник был схвачен Юрием Долгоруким и привезен в оковах в Киев для выдачи его Ярославу Галицкому. Однако данный поступок Юрия по отношению к вассалу, принесшему крестное целование своему сюзерену, настолько противоречил тогдашним правовым нормам, что за Ивана Ростиславича вступились митрополит и все духовенство. Уступая их просьбам, Юрий решил отправить Берладника обратно в Суздаль. На обратном пути Ивана Ростиславича перехватили люди черниговского князя Изяслава Давыдовича и таким образом на несколько лет он оказался в Чернигове. Изяслав Давыдович, очевидно, хотел иметь в его лице оплот против честолюбивых намерений Ярослава Галицкого и поэтому покровительствовал ему до самой смерти.

В 1159 г. Ярослав Галицкий, не оставляя своего желания «добыть» Берладника, уговорил польского короля и часть князей Юго-Западной Руси отправить к Изяславу Давыдовичу послов с требованием выдать ему Ивана Ростиславича. Изяслав отказал им в этом, а Берладник уехал «в поле» к половцам, и с их помощью «стал» в городах по Дунаю. Собрав вокруг себя значительную дружину, он пошел войной на Ярослава Галицкого. Однако союз с половцами оказался непрочным – покинутый ими в решительную минуту, Иван Ростиславич вынужден был возвратиться в Киев. Здесь Изяслав Давыдович вновь принял его и даже стал требовать для него удела в Галиче Южном. Разразилась новая усобица. Последняя была губительна как для киевского князя, так и для Берладника. Лишившись своего единственного защитника, он уехал в Грецию и там в 1162 г. нашел себе смерть, отравленный, по преданию, ядом в Салониках¹¹⁰.

Что касается Северо-Восточной Руси, ситуация там к этому времени серьезно изменилась. В 1157 г. скончался Юрий Долгорукий. После его кончины ростовцы, суздальцы и владимирцы в 1158 г. выбрали своим князем его сына Андрея Боголюбского¹¹¹. Тем самым нарушалось завещание Юрия, отказавшего Ростово-Суздальскую землю младшим сыновьям.

Разумеется, это не могло не вызвать их недовольства. Предвидя это, Андрей Боголюбский начинает срочно укреплять Ростово-Суздальскую землю. В частности, он расширяет детинец (кремль) Владимира, ставшего его стольным городом. Эти меры оказались весьма своевременными – в результате их он сумел выгнать из Северо-Восточной Руси своих младших братьев и племянников – детей рано умершего своего брата Ростислава.

Одновременно Андрей Боголюбский заявляет притязания на влияние над Новгородом. В 1160 г. Андрей посылает сказать новгородцам: «ведомо вам буди, что я хочу искать Новгорода добром и лихом; целуйте мне крест на том, чтоб иметь меня отцом себе, а мне желать вам добра». Те, видя печальную судьбу младших братьев Андрея, вынуждены были принять его условия и стали принимать к себе князей по его указанию.

Выдвинуть эти условия Андрей мог только после укрепления своих северных рубежей, в частности, построив крепость в Галиче и тем самым обезопасив это направление. Свое название она, судя по всему, получила в память о галичанах, входивших в состав дружины князя Ивана Ростиславича Берладника, испомещенного здесь еще Юрием Долгоруким. С момента постройки крепости в Галиче последний становится городом.

С учетом политической обстановки строительство крепости в современном Галиче Костромской области, а значит его возникновение как города, следует отнести к промежутку между 1158 г. (воцарение Андрея Боголюбского в Северо-Восточной Руси) и 1160 г. (предъявление Андреем Боголюбским требований к новгородцам). В этом очень небольшом промежутке наиболее обоснованным годом для строительства галичских укреплений представляется 1159 г.

¹⁰⁹ Кучкин В.А. Формирование. С. 90; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 177, 188.

¹¹⁰ См.: Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 744 – 745.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 490.

7. Выводы

Таким образом, рассмотрев все имеющиеся версии о дате основания Галича Костромской области, мы на основе совокупности источников приходим к выводу, что имеющиеся в литературе версии об основании Галича около 960 г., в 1152 г., в 1167 г., в 1209 и 1218 гг. следует отбросить. Наиболее вероятной датой основания Галича как города следует признать 1159 год.

Эта дата базируется как на археологических источниках, датирующих постройку города (крепости) Галича Костромского и археологические находки в нем серединой XII в., так и на письменных свидетельствах.

Прежде всего укажем, что возникновение здесь крепости было вызвано установлением твердых границ между отдельными русскими княжествами и землями и, как следствие этого, необходимостью укрепления пограничных рубежей.

Судя по названию, Галич Костромской области имеет название идентичное Галичу в Юго-Западной Руси. По летописным свидетельствам ее можно проследить с событиями, связанными с именем князя Ивана Ростиславича Берладника, и тем, что здесь при Юрии Долгоруком для защиты северных рубежей Ростово-Суздальской земли была испомещена его дружина.

Непосредственное строительство крепости следует связать с деятельностью великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского по укреплению границ Ростово-Суздальской земли в начале его княжения в период между 1158 (вокняжение в Северо-Восточной Руси Андрея Боголюбского) и 1160 (выдвижение последним требований к новгородцам принимать к себе князей по его указанию) годами. Наиболее вероятным в этом промежутке представляется 1159 г. При этом следует также учитывать, что уже сложилась определенная культурная традиция (в связи с празднованием юбилея Галича в 1959 г.), относящая его основание к 1159 г., и что 1159 год не противоречит ни археологическим находкам, ни известным историческим фактам.

Отсутствие же летописного свидетельства о строительстве крепости в Галиче следует объяснить плохой сохранностью дошедшего до нас летописного материала, так и отдаленностью местонахождения города, а также отсутствием летописания в Галиче в указанный период.

32

Российская Федерация
Костромская область
Город Галич

Дума городского округа – город Галич
Костромской области

Р Е Ш Е Н И Е

от «27» апреля 2006 г.

№ 34

Об итогах республиканской
региональной научно-практической
конференции «Город Галич:
история возникновения и развития»

6 – 7 апреля 2006 года в городе Галиче проведена республиканская региональная научно – практическая конференция « Город Галич: история возникновения и развития». В конференции приняли участие: учёные – историки , краеведы , археологи , представлявшие Институт Российской Истории Российской Академии Наук, Российский Государственный Гуманитарный Университет, Костромской Государственный Университет им. Н.А.Некрасова; представители администрации Костромской области и городского округа – город Галич Костромской области; духовенство , общественность города. Было заслушано 15 научных докладов ,раскрывших различные аспекты истории города проведен круглый стол. По итогам конференции принят Заключительный документ. На основании вышеизложенного,

Дума городского округа решила:

1. Согласиться с научным и исторически обоснованным выводом республиканской научно-практической конференции от 6-7 апреля 2006 года о дате основания города Галича в 1159 году.
2. Одобрить рекомендации научно-практической конференции. Постоянной комиссии по вопросам социальной политики Думы городского округа и администрации городского округа принять меры по их реализации.
3. Направить настоящее решение для подписания главе городского округа.
4. Настоящее решение вступает в силу со дня его подписания.

Глава городского округа *И.И.*

А.А. Мосолов

23

**Заключительный документ
республиканской региональной научно – практической конференции
«Город Галич: история возникновения и развития»**

Республиканская региональная научно – практическая конференция «Город Галич: история возникновения и развития», состоявшаяся 6-7 апреля 2006 года в городе Галиче Костромской области в очередной раз показала необходимость комплексного подхода к решению проблем изучения малых исторических городов.

Участники конференции отмечают повышение интереса как профессиональных историков, краеведов, археологов так и населения малых городов Российской Федерации к истории своей малой Родины. Это находит выражение в активизации внимания жителей малых городов к различным сторонам их истории возникновения, развития, будущего, в проведении подобных конференций.

Когда и кем основан Галич неизвестно. Галич впервые упоминается в летописях под названием «Галича Мерьсаго» в связи с монголо-татарским нашествием в 1238 году. Ясно, что город существовал ранее этой даты. Судя по комплексу археологических и письменных источников, Галич, как городское поселение, существовал уже во второй половине 12 века. Поэтому, учитывая пятидесятилетние историко-культурные традиции города, участники конференции считают научно и исторически обоснованной дату основания Галича в 1159 году.

Галич развивался быстро за счет того, что находился на пересечении нескольких торговых путей и занимал выгодное природно – географическое положение. Город интересен своей историей, природой, значим в историко – культурном развитии нашего государства.

Учитывая актуальность проблем изучения малых исторических городов, участники республиканской региональной научно – практической конференции считают целесообразным принять следующие рекомендации:

1. При проведении подобных конференций шире привлекать местных краеведов, работников музеев, архивов, библиотек, образовательных учреждений к их подготовке.
2. Вести работу по уточнению даты образования Галича. С этой целью продолжить :
 - археологические раскопки на территории города Галича;
 - поиск новых письменных источников по истории города.
3. Оказывать образовательным учреждениям города и района, православному духовно-культурному центру практическую и методическую помощь в проведении поисковой работы, исследовательской деятельности, связанной с изучением истории родного края.
4. Начать сбор материалов для составления календаря памятных и знаменательных дат Галичского края, путеводителя по городу, подключив к этой работе местных краеведов, работников образовательных учреждений и библиотек, всех заинтересованных лиц.
5. Составить и издать библиографию трудов по Галичу. Подготовить к печати и опубликовать труды Л.И.Белова – педагога и Галичского краеведа. Ввести в практику проведение конференций, публичных чтений, посвященных памяти Л.И.Белова.
6. Поддержать создание электронного пособия по краеведению «Азбука родного города». Выпустить до 1 сентября 2006 года электронную версию этого пособия.
7. Разработать и утвердить порядок сохранения археологического культурного слоя в ходе строительных, инженерно-коммуникационных и других земельных работ в городе Галиче.
8. Создать в городе Галиче и Галичском районе отделение Союза краеведов РФ.
9. По материалам данной конференции издать сборник «Город Галич: история возникновения и развития».

Заключительный документ подписали:

Аверьянов К.А. -д.и.н., старший научный сотрудник ИРИ РАН

Алексеев С.И.- зам. начальника департамента культурного наследия, культуры и туризма Костромской области.

Добренький С.И. – старший преподаватель кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ.

Ковалёва М. Д.- старший преподаватель кафедры региональной истории и краеведения, зам. декана факультета архивного дела ИАИ РГГУ

Козлов В. Ф. – к.и.н, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, зам. председателя Союза краеведов России.

Кабатов С.А- к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и историографии КГУ им Н.А.Некрасова.

Коровайников В. Ю. – начальник управления Главархива г. Москвы

Леонтьев А.Е.- д.и.н., директор Государственного музея- заповедника «Ростовский Кремль».

Новиков А.В.- ведущий специалист департамента культурного наследия, культуры и туризма Костромской области.

Рудченко В.М.- старший научный сотрудник Института Искусствознания

Топычканов А.В. – преподаватель кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ.

Шокарев С. Ю. – к.и.н, старший преподаватель кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ.

Щеболева Е.Г.- кандидат искусствоведения Института Искусствознания